

Александр Дворкин

Афонские рассказы

Оглавление

ТУННЕЛЬ	3
МАШИНА ВРЕМЕНИ	3
ПАНТЕЛЕЙМОНОВ МОНАСТЫРЬ	3
РУССКИЙ АФОН	4
АФОНСКИЙ ПОРЯДОК	4
ЦВЕТОК	5
ВРЕМЯ ТАЛАНТОВ	5
СПЕЦНАЗ	6
ВАНГА	6
ЕЖЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ	7
ВКУС ХЛЕБА С АЙВОЙ	8
АФОНСКАЯ СМЕРТЬ	8
ЧУВАШСКАЯ РУКОПИСЬ	9
ЛЕТЧИК-ИСПЫТАТЕЛЬ	10
ТРУДНО ЛИ СТАТЬ МОНАХОМ	10
ОТЕЦ МАКСИМ	10
ГРАФ ДЖУЗЕППЕ	11
ЧЕСТНЫЕ РАЗБОЙНИКИ	12
ВНУК ТОЛКИЕНА	12
ШВЕЙЦАРСКИЙ МОНАХ	13
ОТЕЦ ПАИСИЙ	14
ДАТЧАНИН	15
ИЗ БАПТИЗМА В ПРАВОСЛАВИЕ	16
ПЕРВЫЙ ПОСТ	17
КАХЬКИНИСТСКИЙ ПАСТОР	18
КАК МЫ МЕШАЕМ ЛЮДЯМ ПРИХОДИТЬ В ПРАВОСЛАВИЕ	18
МОНАСТЫРИ И ПОДВИЖНИКИ	19
АФОНСКИЕ КОШКИ	20
ЩЕДРЫЙ ДАР	21
ЧЕТЫРЕ ДНЯ	23
СТАРЫЙ И НОВЫЙ АФОН	24
ДЯДЯ ВАСЯ	24
КИНОВИЯ И ИДИОРИТМИЯ	25
О ГРУСТНОМ	26
ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ	28
ЗОЛОТОЙ КРЕСТ	30
ДОБРЫЙ САМАРЯНИН	30
МОРЯК	31
НЕТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД	33
ЭМИГРАНТСКАЯ ГАЗЕТА	33
ЮГОСЛАВИЯ И ЮГОСЛАВЫ	34
КАК ДЕЛАЮТ БРЫНЗУ	35
АМЕРИКАНЦЫ НА ЛУНЕ	35
КРЕСТНЫЙ ХОД	36
ОТЪЕЗД С АФОНА	38
НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ	39

В этой книге, как явствует из ее названия, я собрал свои рассказы о Святой Афонской Горе, впечатления от поездок на Афон или в связи с ними от людей, которых я встречал там. Но и не только это.

Одно из самых ярких воспоминаний, запечатлевающих в памяти после каждой поездки, - это тихие беседы на духовные темы, которые на Афоне ведешь постоянно - и со случайным попутчиком на катере или спутником на лесной тропинке, и жарким днем с монахом в монастыре или в скиту, и прохладным вечером с паломником-соседом по келье. Ты слышишь их истории и делишься с ними своими - теми, которые могут кому-то оказаться интересными, полезными или назидательными. Вот это и есть настоящие афонские рассказы, которые я и предлагаю вниманию читателя.

Все истории - подлинные, и их герои - реальные люди. Лишь иногда я даю им другие имена или обозначаю инициалами.

Автор

ТУННЕЛЬ

Есть в Иерусалиме туннель, который сохранился до наших дней со времен пророка Исаии. Свидетельство о нем можно найти в 20-й главе Четвертой Книги Царств. Во время осады города ассирийцами по этому туннелю в Иерусалим поступала вода. Собственных источников водоснабжения в городе не было, и царь Иезекия заблаговременно распорядился прорубить скалу насквозь, чтобы обеспечить город водой на время осады. Теперь по этому туннелю можно спокойно пройти: вода сочится только по дну. Снимаешь ботинки, зажигаешь свечку (или фонарик) и шлепаешь босиком весь путь от начала до конца (всего метров восемьсот) — через толщу скальной породы.

Этот туннель оставался неизменным на протяжении тысячелетий. На стенах видны следы работ подданных царя Иезекии; можно понять, как и чем они рубили — где киркой, где мотыгой. Можно вложить руку в эти углубления и почувствовать связь с человеком, который когда-то оставил эту выщербину, то есть материальную связь с современником пророка Исаии. Своего рода машина времени...

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Странное и удивительное чувство — ощущение восстановленной преемственности поколений. Видеть, держать в руках, рассматривать вещи, которые были оставлены в этом месте кем-то почти в доисторические времена. На Афоне мне довелось почувствовать то, что, может быть, чувствовали археологи, раскопавшие Помпеи: известно, что город погиб почти мгновенно под слоем вулканической пыли и пепла, и поэтому все там сохранилось в том виде, как было в день катастрофы. Это сравнение приходит на ум, когда я вспоминаю об афонском русском монастыре св. Пантелеймона, где я будто бы попал в дореволюционный мир, — мир, в котором ничего не менялось, мир, который был законсервирован во времени. Будто бы мне с помощью машины времени удалось прикоснуться к тому, чего уже нигде не встретишь в едином ансамбле. Осколки той жизни встречаются, конечно, тут и там. Но чтобы все вместе, да не в музее, а в реальной жизни... Старые портреты, старые интерьеры, старые книги... Более того, я даже пил там дореволюционный «царский» чай. То есть чай, который был привезен в монастырь еще до революции.

К моему времени он уже кончался, и монахи довольно редко его использовали — угощали только особых гостей остатками, как еще полвека назад казалось, неисчерпаемых запасов. Я бережно раскрывал старые упаковки чая, запечатанного когда-то и кем-то, давным-давно... Упаковки, которые были куплены на пожертвования давно умерших благочестивых людей, чьи имена навсегда сокрыты от меня. И вот мне выпало раскрывать эти упаковки теперь, заваривать их чай, пить его и поминать неизвестных благотворителей... Эти люди когда-то жертвовали на монастырь, помогали деньгами, присылали посылки... В итоге их жертва дошла до меня уже в конце XX века.

ПАНТЕЛЕЙМОНОВ МОНАСТЫРЬ

Пантелеймонов монастырь тогда, во время моего первого приезда на Афон, пребывал в страшном запустении. Как брошенный, опустошенный город. В начале прошлого века там жило около трех тысяч монахов, а гостиничные корпуса принимали до тысячи паломников в год. Но после революции пополнения почти не было, разве что только из числа эмигрантов (в их числе на Афон попали и будущий архимандрит Софроний (Сахаров), и будущий архиепископ Василий (Кривошеин)). Правда, в начале 70-х годов на Афон впервые отпустили небольшую группу монахов из Советского Союза, а незадолго до моего первого приезда (1981 г.), туда прибыла вторая группа. Выпускать из родины социализма их не хотели, потому что монахи, которые селились на Афоне,

получали греческое гражданство, а это фактически означало эмиграцию. С другой стороны, и греческие власти с большой подозрительностью относились к выходцам из Советского Союза и визы давали далеко не всем из них. В итоге в огромном монастыре жили в то время лишь около двадцати монахов, половина из которых — очень старенькие. Поэтому поддерживать порядок на всей огромной территории, во всех зданиях было невозможно. Несколько громадных корпусов стояли выгоревшими после страшных пожаров и смотрели на мир почерневшими пустыми проемами окон.

Немногочисленных гостей монастыря селили в гостинице, которая тогда была в ужасном состоянии — вроде нью-йоркских трущоб. Теперь она уже отремонтирована, сияет кафелем и побелкой и до краев заселена паломниками. Здание гостиницы расположено за пределами монастыря. Но поскольку я был, во-первых, русский, а во-вторых, студент духовной академии, то меня пустили в сам монастырь и жил я вместе с братией.

Помещений было, как мне показалось, многовато даже для трех тысяч человек — корпуса, корпуса, корпуса... А сколько там было гостевых комнат и апартаментов для самых почетных паломников! По коридорам можно было бродить бесконечно — заходить, например, в гостиную, где принимали генералов, в специальные великокняжеские апартаменты, архиерейскую приемную...

Ничего с тех пор не изменилось: те же портреты висели на стенах, те же бумаги лежали разложенными на столе; можно было доставать, листать, смотреть какие-то записи, дотрагиваться до вещей, которые оставались в неприкосновенности с тех пор... В монастырской библиотеке я мог листать рукописные книги X, XI веков, написанные на пергаменте, с иллюстрациями, — такие, что хранятся в музеях под пуленепробиваемым стеклом Мне довелось прочесть рукопись воспоминаний будущего архиепископа Брюссельского Василия Кривошеина, который в период между двумя войнами был насельником монастыря и исполнял послушание библиотекаря. Эти тетрадки, исписанные четким и ясным почерком выдающегося богослова современности и будущего архиерея, я читал день или полтора напролет — оторваться было невозможно. Конечно, сейчас этот труд уже издан и найти его и прочесть может каждый. Но то была первая — самая непосредственная, по свежей памяти, редакция книги - рукопись афонского монаха.

РУССКИЙ АФОН

Только на месте осознаешь, как много русского было вложено в Афон. В любом, даже «самом греческом», монастыре всегда находишь что-нибудь, пришедшее из нашей страны: дары ли царской семьи (не обязательно последней — может быть, более ранних поколений), русские ли блюда, самовары, еще что-то... Связь с Россией постоянно ощущается. Или вдруг ты узнаешь, что монастырь горел и был отстроен на деньги, собранные в России.

Вообще-то, в начале XX века, во время наивысшего расцвета афонского монашества, на полуострове проживало шесть с лишним тысяч иноков, из которых больше пяти тысяч были русскими или, точнее, происходили из Российской империи. Греков было до тысячи. Примерно таково сегодняшнее население Афона, когда количество россиян исчерпывается несколькими десятками. Впрочем, в последние пятнадцать лет число русских насельников на Афоне хоть и медленно, но неуклонно растет...

АФОНСКИЙ ПОРЯДОК

Вообще Афон — удивительное место. Отчасти потому, что когда представляешь себе сообщество, где нет ни одной женщины, где одни мужчины, то вырисовывается образ, скажем, квартиры холостяка: с пригоревшей яичницей на сковородке, разбросанной одеждой, где все кругом перевернуто и паутина по углам. Но на Афоне совершенно не так. Это идеальный порядок, идеальная чистота. Это и какое-то особое, удивительное, сердечное отношение друг к другу.

Конечно, как и все места на нашей пораженной грехом земле, Афон далек от идеала. Но, по-моему, это такое место, где все как-то ближе к идеалу. Ощущение намоленности афонской почвы не покидает ни на минуту — стоишь ли ты в византийском храме, нимало не изменившемся со времен строительства, поднимаешься ли в горы мимо жилища отшельника, сидишь ли в библиотеке десяти-векового монастыря...

ЦВЕТОК

Ощущение особости этого места приходит еще и оттого, что каждый человек старается исполнить желание другого до того, как это желание будет высказано вслух. В ответ вы тоже стараетесь угадать желание другого человека, исполнить его с опережением. И такое служение ближнему доставляет удивительную, несравнимую радость. Мне вспоминается один эпизод. Мы прибыли на Афон вместе с моим другом — православным американцем Джеффри Макдональдом (это была моя вторая поездка). В тот день мы ночевали в монастыре Пантократор. Вечером засиделись на балконе допоздна, то есть до тех пор, пока совсем не стемнело, разговаривали с насельником монастыря — греческим монахом. Потом все разошлись по своим кельям, и, когда мы уже ложились спать, в дверь вдруг постучали. Открываем — оказывается, тот самый монах, который с нами разговаривал. Он принес нам стакан с водой, а в стакане — огромный, закрытый еще бутон цветка. Он сказал: «Вы поставьте его на окно. Утром, с рассветом, он раскроется, и первое, что вы увидите, когда вернетесь в келью после литургии, — это раскрывшийся цветок». Он еще раз пожелал нам доброй ночи и ушел. Это было настолько удивительно, настолько не по-мирски... Не так-то легко представить себе, например, что где-нибудь среди нас, в современном городе (а особенно в Нью-Йорке — современном Вавилоне, откуда мы приехали), один мужчина дарит цветок двум другим — безо всякой скрытой цели, а просто из желания порадовать своих гостей его красотой. На Афоне же эта чистая забота о радости ближнего воспринималась совершенно естественно, как, собственно, по-настоящему и должно было бы быть...

ВРЕМЯ ТАЛАНТОВ

Вся внутренняя афонская жизнь — бытие совершенно особенное, по сути своей такое же, как во времена Византии — без электричества, без машин... Подсчет времени тоже византийский. Полночь — это закат, и все остальное время отсчитывается от заката. И каждый месяц часы подводятся, потому что каждый месяц закаты приходятся на разное время. При этом в разных монастырях время различается, потому что одни находятся ближе к морю, другие — высоко в горах и солнце видно немного по-разному. Вообще же время на Афоне будто бы неподвижно.

Главный афонский звук — это стук била — широкой деревянной доски, похожей на двухлопастное весло, с которой монах-канонарх в длинной плиссированной мантии обходит весь монастырь перед службой, деревянным молотком выстукивая по ней ритмичную дробь. Монахи говорят, что стук напоминает людям о талантах, данных им Господом, и о том, что их пора вкладывать в дело — в молитву — и приумножать. Даже сам стук по доске как бы складывается в слово талант: «То талантос, то тьялтанос, то тала-тала-талантос!» Кто однажды слышал эту дробь, тот, наверное, уже никогда не забудет ее. По афонскому преданию, именно так Ной созывал всех — и людей и животных — в свой спасительный ковчег перед потопом.

Обойдя монастырь, канонарх выстукивает таланты по большому деревянному билу, подвешенному перед входом в храм, а затем бьет в железную скобу или колокол, висящие там же. Начинается богослужение — основная единица измерения афонского времени. Времени — главное предназначение которого — умножать данные тебе таланты, пока еще не поздно, чтобы в срок вернуть их милосердному и любящему Господину.

СПЕЦНАЗ

Здесь практически в неизменном виде сохранились правила богослужения средневекового византийского христианства Храмы освещаются только свечами и лампадами. Слава Богу, даже сегодня, когда электричество проведено во многих монастырях, ни в одном из храмов его по-прежнему нет и, надеюсь, не будет. Значительная часть службы проходит почти в полной темноте — скажем, шестопсалмие монахи читают только по памяти. Наизусть читают и многие другие части богослужения.

Вспоминаю рассказ моего приснопамятного духовного отца — протопресвитера Иоанна Мейендорфа, как он гостил в одном из монастырей, игумен которого должен был отъехать на пару дней. Уезжая, он сделал жест вежливости — поручил отцу Иоанну замещать его на время отсутствия. На первой же утрени отцу Иоанну сообщили, что он сейчас прочитает шестопсалмие — по уставу монастыря это должен был делать игумен. Отец Иоанн шестопсалмие наизусть по-гречески не помнил и попросил принести ему текст и свечку, что, впрочем, было беспрекословно исполнено.

Полунощница и утренняя начинаются затемно, так как ночь — это время, когда монахи бодрствуют. Мир спит, в темноте господствуют силы тьмы, и монахи — воины Христовы — выходят на бой, защищая и охраняя всех нас. Один американский профессор антропологии сделал весьма интересное, особенно для неправославного человека, сравнение, проведя параллель между известными ему типами монашества и армейскими подразделениями: «Если французских бенедиктинцев можно сравнить с пехотой, а итальянских францисканцев, недисциплинированных и бесшабашных, — с ВВС, то афонские монахи — это морская пехота, с ее жесткой дисциплиной и тяжелейшими испытаниями при подготовке. Но зато этим элитным, всегда находящимся в наилучшей форме бойцам не страшен никакой враг!»

ВАНГА

Мне кажется, что «бывших афонских монахов» не бывает. Если человек был насельником афонского монастыря, если он принял там монашеский постриг, он навсегда остается святогорцем, где бы он ни нес свое послушание - в Салониках, как свт. Григорий Палама, в далекой России, как преп. Максим Грек, в Молдавии, как преп. Паисий Величковский, или в Болгарии, как герой моего следующего рассказа - митрополит Не-врокопский Нафанаил - человек строгой монашеской жизни, аскет, подвижник и настоящий пастырь, любящий своих овец и готовый положить за них жизнь (кстати, он был учителем - аввой - епископа Саратовского и Вольского Лонгина). Несмотря на свой высокий сан, владыка очень прост в общении и готов даже физически послужить любому человеку. Никогда не забуду, как он дал мне подержать свой епископский жезл и полез по крутому склону горы, собирая мать-и-мачеху, чтобы заварить их от моего бронхита. Так вот, широко известная «прорицательница и провидица» Ванга проживала на территории Неврокопской епархии, предстоятелем которой является владыка Нафанаил. До сих пор многие считают Вангу православной и уверяют, что она действовала с благословения и согласия священноначалия. Именно для таких людей и предназначен этот рассказ.

Однажды, незадолго до смерти Ванги, к митрополиту Нафанаилу прибыли посланцы от нее и передали ее просьбу приехать к ней. Ванга сообщала владыке, что очень нуждается в его совете и нижайше просит его снизить к ее старости и болезни и приехать к ней. Владыка, надеясь, что может быть, она желает покаяться, обещал приехать. Это вполне естественный поступок для доброго пастыря, пекущегося о каждой овце своего стада, тем паче о заблудшей.

Когда владыка через несколько дней приехал и вошел в комнату старухи, он держал в руках крест-мошевик с частицей Честного Креста Господня. В комнате было много народу, Ванга сидела в глубине, что-то вешала и не могла слышать, что еще один человек тихо вошел в дверь. Уж, во всяком случае, она не могла знать, кто это. Вдруг она прервалась и изменившимся - низким, хриплым - голосом с усилием проговорила: «Сюда кто-то зашел. Пусть он немедленно бросит на пол ЭТО!» «Что это?» - спросили у Ванги ошеломленные окружающие. И тут она сорвалась на бешеный крик: «ЭТО! Он держит ЭТО в руках! ЭТО мешает мне говорить! Из-за ЭТОГО я ничего не вижу! Я не хочу, чтобы ЭТО было в моем доме!» - вопила старуха, суча ногами и раскачиваясь. Владыка развернулся, вышел, сел в машину и уехал.

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ

У каждого из монахов есть свое послушание, которое назначает ему игумен. Интересно, что алтарниками (эклисиархами и канонархами) в афонских монастырях обычно назначают молодых послушников, которые только-только пришли сюда. Понятно, что это — одно из самых почетных послушаний. То есть, с одной стороны, молодым приятно, что им выпадает такая честь, с другой — это имеет педагогический смысл, потому что вновь прибывшие сразу приучаются ходить на все службы, выучивают их порядок и глубоко вникают в их смысл.

В разных монастырях утреннее богослужение начинается по-разному — по нашему времени от половины второго до половины четвертого — и продолжается соответственно до половины седьмого — половины девятого утра, когда заканчивается литургия.

В греческих монастырях каждый монах обычно причащается три раза в неделю, поэтому за всякой литургией много причастников. После богослужения монахи расходятся выполнять послушания и около полудня, если это не постный день, собираются на завтрак. Потом обычно дневной отдых: как во многих жарких странах, сон на Афоне делится пополам — немного ночью, немного в самое жаркое время дня. Затем опять послушание, ближе к закату — вечерня, в течение примерно часа, потом ужин. Если день постный, то это первая и последняя трапеза. Если скоромный, то обычно на ужин часто подают то же, что ели на завтрак, только уже холодное. После ужина — повечерие. Когда стемнеет, ворота закрываются, и дальше каждый монах рассчитывает свое время сам — вель есть еще индивидуальное келейное вечернее правило. И даже если служба начинается в полтретьего ночи, то монахи просыпаются не меньше чем за два часа до этого, чтобы исполнить свою келейную утреннюю молитву.

Под праздники служат всенощную, в прямом смысле этого слова — она длится всю ночь. Самая длинная служба, на которой мне доводилось бывать, продолжалась часов шестнадцать: великая вечерня началась примерно в восемь вечера, а литургия отошла после полудня. Но то был престольный праздник. Обычная всенощная длится часов семь-восемь, то есть ночь — это время, когда монахи, как считается, должны бодрствовать. В церкви обычно есть **стасидии** — стоячие кресла, где можно стоять, упираясь в подлокотники, иногда можно присесть на сиденье. Один из монахов ходит и смотрит, не заснул ли кто. Задремавшего он тихонько постукивает по плечу: «Проснись, брат!»

Много раз я слышал на Афоне, что такая интенсивная молитвенная жизнь не проходит бесследно: если человек все время проводит в церкви, если он все время молится, ежедневно открывает помыслы, если он, даже не будучи хорошим, все время стремится быть таковым, — он не может не начать меняться к лучшему...

ВКУС ХЛЕБА С АЙВОЙ

Еда на Афоне очень простая, постная. Сами монахи едят очень мало: по понедельникам, средам и пятницам полагается только одна трапеза в день, но для гостей устраивают дополнительную — после утреннего богослужения. На такой завтрак обычно подают травяной чай с хлебом и чем-нибудь сладким Хлеб из муки грубого помола пекут один раз в неделю или в десять дней и едят, пока не кончится, и только после этого выпекают новый. Поэтому афонский хлеб, как правило, черствоватый. Но однажды я пришел на утреннюю трапезу, где на столах лежал свежевыпеченный хлеб, еще горячий. Кроме хлеба, подавали чай и айвовое варенье. Я, как обычно, намазал хлеб вареньем, откусил и замер от ощущения потрясающей интенсивности вкуса — настолько оно было неожиданным, хотя то были самые простые продукты. Мы привыкли в нашей жизни к простым вещам, мы их не замечаем, совершенно не ощущаем их вкуса, не ощущаем радости, которую они нам приносят, — нам всегда хочется чего-то более сложного, изысканно утонченного. Но оно тоже быстро приедается, мы стремимся к новому — и так без конца. Но та утренняя трапеза после нескольких недель жизни на Афоне как бы заново открыла красоту самых простых вещей, и надо сказать, что более вкусного завтрака у меня никогда в жизни не было.

АФОНСКАЯ СМЕРТЬ

Афонские монахи знают, что прибыли сюда на всю жизнь. Большая часть монахов годами, а то и десятилетиями не выезжают с полуострова. Бывает, конечно, что игумен посылает их в мир с каким-то заданием, на время или насовсем (скажем, с миссионерской целью), но каждый афонит мечтает жить и умереть в своем монастыре.

К смерти на Афоне относятся спокойно. Мне довелось молиться на проводах скончавшегося монаха. Усопшего брата зашивают в узкий холстяной мешок с вышитой монашеской символикой (гробов на Афоне нет) и опускают в могилу. На ней ставят простой деревянный крест с табличкой, указывающей имя покойного и дату его кончины. Чин отпевания довольно короткий, особенно в сравнении с другими афонскими службами. Кладбища при монастырях очень маленькие — всего по несколько могил. Объясняется это вот чем Приблизительно через три года после смерти могилу раскапывают и останки почившего поднимают на поверхность. По промыслу Божию тела монахов, скончавшихся на Афоне, не обретают свойств нетления. При том что в здешних монастырях громадное количество нетленных мощей со всего света, останки афонитов выглядят по-другому. Обычно через три года тело полностью разлагается и остаются одни лишь кости. Один из признаков святости почившего — цвет костей: если они медвяно-желтого цвета, то считается, что монах особо угодил Богу. Если тело не разложилось полностью, его закапывают опять и монахи усиливают молитвы за брата, чтобы Господь простил его прегрешения, а земля приняла его плоть. Тела самых больших грешников чернеют и распухают, но не разлагаются. Об этих единичных случаях вам расскажут в каждом монастыре.

Поднятые скелеты омывают водой с вином и относят в костницу, расположенную обычно в подвале кладбищенского храма — парастаса. Кости складывают в аккуратные штабеля — по размеру: большие берцовые вместе, лучевые вместе, ребра вместе и т. п. Черепа кладут на полки рядком. Головы игуменов обычно хранятся отдельно. В греческих монастырях надписаны только черепа игуменов. В русском Пантелеимоновом монастыре надписана каждая голова. Как минимум, на ней можно прочесть имя скончавшегося монаха и год его кончины. Часто там указано его послушание: столяр, плотник, библиотекарь, огородник, врач и т. п. А иногда на черепе можно прочесть всю жизненную историю монаха, исполненную мелким каллиграфическим почерком: родился тогда-то в такой-то губернии, в таком-то сословии, мирское имя — такое-то, на Афон прибыл в таком-то году, послушником исполнял такое послушание, потом принял постриг,

послушание стал исполнять другое, после схимы опять сменилось послушание, и все так до смерти. Но, помню, увидел я один череп, на котором не было написано ни имени его обладателя, ни дат его жизни и который словами, написанными на нем, обращался ко мне сквозь разделявшие нас поколения: «Друже, что ты дивишься на меня? Когда-то я был таким же, как и ты. И когда-нибудь ты станешь таким же, как и я».

Несмотря на столь обильную «память смертную», афонские костницы не производят тяжелого или гнетущего впечатления. Наверху — храм, в котором служат литургии, и пение доносится и в подвал, а в самом помещении висят епитрахиль и кадило. Приготовлены и уголек с ладаном. Зайдет священник — послужит литию, помяная всех «зде лежащих и повсюду православных». Я же, входя в разные костницы, не мог удержаться и приветствовал всех радостными словами: «Христос воскрес, отцы и братия! — Христос анести, патерес ке адељи!» И казалось мне, что всегда звучал ответ: «Воистину воскрес Христос! — Алифос анести!» Ведь все они: и огородник, и врач, и эконо, и фотограф, и столяр, и библиотекарь, и повар и иконописец — все вместе в одной и той же костнице родного монастыря вкупе с живой и молящейся братией ждут последних дней, чают воскресения из мертвых и жизни будущего века.

ЧУВАШСКАЯ РУКОПИСЬ

На Афоне я многое узнавал о церковной жизни России: живя в эмиграции, я, по сути, совсем ничего не слышал о церковной жизни в провинции, о жизни простых верующих. Мне на всю жизнь запомнился разговор с одним молодым диаконом, поволжским чувашом. В их семье все хранили верность Православию. Он рассказывал о том, как в детстве он с матерью и другими братьями и сестрами ходили на богослужение. Ближайшая действующая церковь находилась в сорока километрах от их села Автобусов не было, они шли пешком. Шли через снег, через непогоду. Выходили в пятницу утром и в субботу к вечеру добирались до места, отстаивали всю ночь, ночевали где-то вблизи храма и на следующее утро отправлялись на литургию.

Еще этот диакон показывал мне рукописные книжки, которые приготовила ему младшая сестра, когда узнала, что он уезжает на Афон. Там был Служебник по-чувашски, переписанный от руки, такие же рукописные Псалтирь и Часослов... Девочка хотела переписать весь Новый Завет, но услышала от кого-то, что Новый Завет по-чувашски уже издан Библейским обществом и его легко достать за границей. Потом оказалось, что Библейское общество Нового Завета по-чувашски тогда пока еще не издавало.

Честно говоря, над этими общими тетрадками в клеенчатых обложках, над этими непонятными словами, написанными кириллицей, я прослезился. Это же настоящий подвиг веры, какой не часто можно встретить в наши дни! Девочке было шестнадцать лет. Я представлял ее себе — чем она могла бы заниматься: куда-то ходить, как-то общаться со сверстниками, бегать на дискотеки, сидеть перед «теликом» или долгие вечера переписывать священные тексты — для того, чтобы брат на чужбине смог молиться на родном языке. Труд был исполнен шариковой ручкой, двумя цветами — красным и синим — очень ровным, красивым, хотя и детским почерком. Я помню из своего детства: стараешься написать что-нибудь покрасивее. Первые строчки выходят — загляденье! А дальше и буквы получаются кривоватыми, и помарки появляются, и строчки начинают приплясывать... Но в этих тетрадках все было не так: почерк был красивый и ровный от начала до конца, а помарок не было вовсе! Диакон рассказал, что после революции ничего из православной литературы по-чувашски не издавалось, поэтому дома, если служили на родном языке, пользовались либо обветшавшими дореволюционными книгами, либо копировали их от руки.

ЛЕТЧИК-ИСПЫТАТЕЛЬ

Другой монах рассказал мне о своем друге, иеродиаконе из России. В миру диакон был военный летчик-испытатель. Раз он проводил пробный полет на новой модели самолета. И вдруг самолет зашел в штопор и стал стремительно падать. Летчик был неверующим, никогда не задумывался о Боге, но тут, летя штопором вниз, неожиданно вспомнил, как бабушка в детстве рассказывала ему про святого Николая. Он успел проговорить про себя: «Святой Николай, помоги!» И вдруг самолет развернуло у самой земли и он мягко сел на колеса. Летчик был в состоянии шока. Его вытащили из машины, он не мог ни согнуться, ни разогнуться. Через несколько дней после того, как пришел в себя, он сказал, что будет служить Богу в Церкви. Естественно, все его отговаривали, жена отказалась за ним следовать. Он ушел в отставку и принял монашество, разумеется с именем Николай.

ТРУДНО ЛИ СТАТЬ МОНАХОМ

Однажды, когда я уже в четвертый раз приехал на Афон, мой знакомый, предприниматель, довольно состоятельный человек, стал расспрашивать одного монаха греческого монастыря о его жизни. Ему все хотелось узнать, сложно ли быть монахом. На это монах (принявший Православие француз из старой хорошей семьи) ответил, что быть монахом очень просто: сложнее всего — стать монахом, решиться на это. С тех пор как он монах, каждый день для него — это праздник: весь груз житейских забот с него снят, он может спокойно размышлять о своей духовной жизни, разговаривать с Богом, молиться Богу. Жизнь же в миру намного тяжелее: нужно думать о хлебе насущном, нужно кормить семью, а это постоянно отвлекает. Он сказал, что преклоняется перед подвигом тех христиан, которые живут в миру, и очень их уважает, потому что у него в этом смысле жизнь несравненно легче.

ОТЕЦ МАКСИМ

Вообще, на Афоне молодо встретить монахов со всех концов света, из самых разных стран. Чтобы здесь остаться, монаху достаточно поселиться в одном из монастырей, и если его там примут, то на этом дело и заканчивается. Никаких особых требований или условий выполнять не надо. Однако желающих остаться на Афоне навсегда не так уж много. Дело в том, что жизнь здесь довольно тяжелая, не каждый может это выдержать. Это постоянное недосыпание, недоедание, долгие службы, физический труд... Но вместе с тем этот образ жизни намного здоровее и полезнее, чем тот, который ведем мы, с нашей беготней, суетой, нервотрепками и проблемами, и большинство афонских монахов пребывают в хорошей физической форме, в том числе и те, кто уже дожил до преклонного возраста.

Как-то мы с Джефффри Макдональдом решили подняться на вершину горы Афон, которой заканчивается полуостров, — 2033 метра над уровнем моря, причем гора начинается прямо от моря, так что подниматься нужно все эти метры до одного. Начали подъем мы вечером, так что, поднявшись метров на восемьсот, стали искать ночлег. Постучались в одиноко стоящую келью (хижину с домовою церковью, где обычно живут один-два монаха) и были встречены почтенного возраста старцем с густой белой бородой. Старец назвался архимандритом Максимом и очень обрадовался, узнав, что я из России. Оказалось, что он когда-то давно стажировался в Московской духовной академии и до сих пор неплохо говорит по-русски. Отец Максим подвизался на Афоне уже без малого пятьдесят лет, а в последние годы поселился в этой келье в поисках уединения. Принял он нас как родных, во время ужина не знал, чем еще попотчевать, открывая одну консервную банку за другой из своих совсем не богатых запасов. Наутро, после литургии, снабдив хлебом и оливками и показав дорогу, он отпустил нас на гору. Мы пошли налегке, оставив все свои вещи у него, чтобы

забрать их на обратном пути. Подъем был довольно крутой, но за каждым поворотом открывались такие виды, что дух захватывало. Мы часто останавливались, передыхали, оглядывались, делали фотографии, читали Молитвы и псалмы. Когда кончилась зона леса и горная порода стала выходить наружу, мы остолбенели — это был сплошной белый мрамор: В конце концов вся растительность кончилась, и мы продолжили свое восхождение среди сверкающего на изломах белого мрамора. Ничего подобного видеть мне не приходилось — я вдруг оказался в какой-то давно забытой русской народной сказке моего детства: «А за тремя морями, за пятью лесами стоит, касатик, беломраморная гора!»

На вершине — малюсенькая церковка, посвященная Преображению Господню (там служат всенощную и литургию раз в год — на этот праздник), а чуть выше ее — большой железный крест, венчающий гору. Мы немного посидели на камнях, обследовали окрестности, спели тропарь Преображению и потихонечку пошли назад. Всего вся дорога туда и обратно — до кельи отца Максима — заняла у нас около шести часов. «Где вы были так долго? Я уже начал волноваться за вас, — встретил нас старец. — Надеюсь, ничего не случилось?». Мы заверили его, что все в порядке, просто поднялись и спустились. «Тогда вы, наверное, вычитали там, на вершине всенощную, — предположил отец Максим, — иначе, где бы вы пропадали так долго? У меня эта дорога занимает не более двух часов!»

ГРАФ ДЖУЗЕППЕ

Бывали случаи, когда уже решившие остаться на Афоне люди отступали назад. По пути с Афона мы с Джеффри проезжали через Рим, где познакомились с замечательным старым православным архимандритом отцом Гермогеном, из русских эмигрантов. В младенчестве его вывезли из России, вырос он в Польше в период между двумя войнами. Тогда Польша была в других границах и значительная часть населения была православной. Отец Гермоген пережил войны, оккупацию, беженство, многочисленные переселения, покуда он в конце концов не осел в Риме, где служил в греческой церкви и пел на клиросе в русской. Мы попросились на ночлег, и он поселил нас в квартире своего духовного чада — православного итальянского аристократа — скажем, графа. Самого графа не было — как всегда летом, он отдыхал в своем поместье в Апулии. Граф работал профессором древнего римского права в Римском университете. Квартира этого аристократа была типичным обиталищем православного интеллигента-холостяка — с толстым слоем пыли повсюду и паутиной по углам. Разумеется, там был стандартный набор книг православного интеллигента (Шмеман, Мейендорф, Лосский, Флоровский, преп. Максим Исповедник, авва Дорофей, свт. Григорий Палама и пр.) и репродукции икон византийского и древнерусского письма. То есть вполне типичная обстановка, в любой стране можно найти такую квартиру у соответствующего православного хозяина. Я бывал в очень похожих на эту квартирах в Нью-Йорке и Париже, Монреале и Лондоне, Будапеште и Афинах и даже в маленьком городишке в центре Техаса.

Но, разумеется, в каждом из таких обиталищ есть свои отличительные черты. Отличительной чертой квартиры нашего отсутствующего хозяина было то, что в ванне от воды било электричеством. Я с дороги залез в душ и вдруг почувствовал, что меня довольно чувствительно дергает. Звоню отцу Гермогену спросить, все ли в порядке, а он говорит: «Да, забыл предупредить, вы душем не пользуйтесь, это опасно: проводка барахлит. Граф все никак не починит». — «А как же он моется?» — «А он к тете ходит душ принимать. Она же ему и стирает».

Отец Гермоген поведал мне историю этого человека (назовем его Джузеппе). Джузеппе очень любил ездить на Афон и хотел стать афонским монахом. Но отец Гермоген все не благословлял его на этот шаг. В конце концов, итальянец собрался и уехал без благословения отца Гермогена. Поселился на Афоне в одном из монастырей, стал послушником, прожил так около года, очень

ревностно выполнял все правила и послушания и радовался такому повороту в своей жизни. Потом, через год, игумен ему сказал: «А теперь, Джузеппе, готовься, завтра вечером будет твой постриг». Джузеппе всю ночь не спал: думал про свою тетю в Риме, думал о своем поместье в Апулии, о маме, которая в этом поместье живет, еще о чем-то... Утром, как только рассвело, он собрал чемоданчик — и назад в Рим.

Можно еще добавить, что в конце концов граф Джузеппе все-таки стал монахом. Но не афонским. Сейчас он игумен небольшого православного монастыря на юге Италии.

ЧЕСТНЫЕ РАЗБОЙНИКИ

С самим же отцом Гермогеном в Италии произошла замечательная история — можно сказать, из «коллекции анекдотов». Он жил на окраине Рима в маленькой двухкомнатной квартирке на первом этаже, очень-очень скромно, с минимальным набором мебели. При этой квартирке у него был миниатюрный зеленый садик, где радушный хозяин любил принимать гостей. Единственное, что у него было ценного, — это древний наградной наперсный крест, очень тонкой работы, исполненный из серебра с камнями. Это был подарок давно покойного духовника батюшки и потому очень ему дорогой.

И вот как-то отец Гермоген возвращается к себе домой и видит, что дверь раскрыта настежь, в квартире все перевернуто. Ясно, что побывали грабители. Первая мысль хозяина была о кресте, и он побежал скорее к тумбочке, где тот лежал. Тумбочка была открыта, пустой ящик выдвинут. И вдруг батюшка видит: на столе лежит крест, а под ним — пачка денег. Грабителей нет. Видимо, это были настоящие итальянские взломщики, которые, поняв, что попали к священнику, оставили пачку денег в знак извинения за причиненные неудобства и удалились. Такие вот благородные разбойники...

ВНУК ТОЛКИЕНА

Когда паломники заходят в любой греческий (в том числе и афонский) монастырь, первым делом они попадают в привратное помещение, так называемый архондарик. Там всегда дежурит монах — архондаричный. По афонскому обычаю, архондаричный прежде всего предлагает вам подкрепление — стакан холодной воды, кусочек рахат-лукума (или ложечку варенья), стопку ароматной виноградной водки — раки и чашечку сладкого кофе. Это непреложный закон. Этот набор подается путнику всегда, в любое время года, как в скоромные, так в постные дни, кроме разве Великой пятницы. И только после этого начинается разговор. Если вы остаетесь в монастыре на ночь, вам предлагают записаться в толстой гостевой книге — имя, фамилия, имя отца, год рождения, вероисповедание, страна и город, профессия. Вечером одно из любимых развлечений афонских паломников — читать гостевую книгу и искать там земляков и знакомых. Всякий раз, найдя знакомое имя, радуешься, как будто вживую встретил близкого человека.

Помню, как мы с Джеффри Макдональдом впервые пришли в Ставроникиту и в архондарике разговорились с молодым англичанином, который как раз уходил из монастыря, пробыв там положенные сутки. Он очень заинтересовался, узнав, что я из России (в 1982 году редко можно было встретить свободно путешествовавшего русского) много расспрашивал меня о нашей стране и о русском Православии. После получасовой беседы он ушел, а мы стали записываться в гостевой книге. Из нее мы узнали фамилию нашего недавнего знакомого — Джон Толкиен, сын Кристофера Толкиена, т. е. внук великого английского сказочника. Джеффри — страстный поклонник писателя — долго не мог найти себе места от огорчения — ему так и не удалось поговорить с его внуком и узнать от него что-нибудь новое о его знаменитом деде!

Впрочем, на Афоне бывают многие и куда более известные люди. Часто туда приезжает, например, Ален Вивьен, бывший министр иностранных дел Франции и, активный борец с тоталитарными сектами. Регулярно бывает там английский принц Чарльз. Говорят, что у него есть своя келья в сербском монастыре Хиландаре, а другая — в Ватопеде. Рассказывают об одном русском паломнике, которого хиландарские отцы попросили помочь с пилкой дров. В напарники ему назначили долговязого сухопарого англичанина, чье лицо показалось ему смутно знакомым. Через какое-то время он припомнил, что много раз видел его По телевидению и с изумлением понял: перед ним наследник Британского престола, тот самый принц Чарльз Уэльский. Известный всему миру человек с удовольствием исполнял тяжелое монастырское послушание. Кстати, уже сейчас, после катастрофического пожара в Хиландаре в 2003 году (выгорело до трети монастыря), принц Чарльз пожертвовал, громадную сумму денег на восстановление обители.

Да, совсем неожиданных людей часто можно встретить на Афоне...

ШВЕЙЦАРСКИЙ МОНАХ

Одним из самых долгосрочных моих афонских знакомств стало знакомство с отцом В. — тогда монахом монастыря Ставреникита, который впоследствии стал моим афонским домом. Дело в том, что разрешение (диамонитирион) на пребывание на Афоне выдают на четыре дня. Эти четыре дня паломник может находиться на Святой Горе и пользоваться гостеприимством любого монастыря. Дольше можно остаться, если один из монастырей поручится за паломника перед Кинотом (правительством монашеской республики) и согласится принимать его в качестве монастырского гостя.

В мои вторую и третью поездки на Афон именно Ставреникита стараниями отца В. продлевал мои базовые четыре дня до месячного пребывания. У меня там даже была своя отдельная келья в помещении под крышей небольшой башни. Узкие бойницы смотрели на три стороны света, а четвертая стена была глухой. Монастырь стоит на скале на берегу моря, так что мне видно было воду со всех сторон. Я ставил в каждую бойницу по дымящейся антикомариной спирали и так проводил свои поздние вечера. Так что до сих пор запах горящей спирали (теперь их повсюду продают и в России) вызывает у меня воспоминание о поздней молитве, крохотной каменной келье и никогда не стихающем звуке прибоа.

Но все это было потом. Когда я ехал на Афон в первый раз, мне порекомендовали познакомиться с монахом В. — швейцарцем, в совершенстве владеющим русским языком. Я дошел до Ставреникиты, спросил отца В. и узнал, что он в отъезде — отбыл на две недели поработать в библиотеке в другом афонском монастыре. Ну, не удалось, так не удалось — я был настолько переполнен впечатлениями и встречами, что тут же забыл об этом. Через несколько дней я ехал на катере, направляясь в монастырь Дионисиат. Рядом со мной на лавке сидел монах с окладистой русой бородой, интеллигентным бледным лицом и кротким взглядом голубых глаз. Он поинтересовался, откуда я, и, узнав о моем русском происхождении, сразу же перешел на русский, на котором он говорил мастерски — с едва заметным даже не акцентом, а каким-то слишком тщательным для обычного носителя языка выговором. «Так вы, наверное, отец В.?» — спросил я наугад. Так оно и оказалось. Это была типично афонская встреча, которую устроил Сам Господь. В результате я не доехал до Дионисиата и сошел с отцом Василием на пристани монастыря Григориат, где и провел следующие два дня. Этот монастырь и продлил мое пребывание на Афоне в тот раз до двух недель, из которых я пробыл там десять дней.

Отец В. был очень образованным человеком, швейцарцем из города Базеля, обратившимся в Православие в ранней юности. Помимо родного немецкого, он в совершенстве владел еще

французским, русским, сербским и греческим языками, сносно говорил и бегло читал по-английски и по-итальянски. Разумеется, владел латынью. Когда отец В. изучал русский, он стажировался в университете им. Патриса Лумумбы в Москве. Он уже был монахом и всегда ходил только в духовном платье. Я представляю себе то впечатление, которое он производил на тогдашних москвичей (это было в середине 70-х годов, когда священника в рясе на улице увидеть было просто невозможно) и на обычный контингент учащихся университета — сыновей африканских князьков, бойцов «Организации освобождения Палестины», латиноамериканских коммунистов и пр. В какой-то мере для него то пребывание в России было подвигом исповедничества...

Этот разносторонне одаренный человек в числе прочего занимался и иконописью и сам написал икону прп. Нила Сорского для изданной им книги — критического издания трудов преподобного на греческом языке. Переводы и комментарии также были выполнены им же. В Ставрениките бытовала история про то, как отец В., закончив перевод (с одного неродного языка на другой неродной), дал просмотреть свой труд монаху-греку, специалисту по греческой филологии. Через несколько дней тот вернул рукопись с рядом красных карандашных пометок и исправлений. Отец В. внимательно изучил их, а потом, поймав этого монаха за рукав, стал объяснять ему: «Вот видите, вы отметили эту глагольную форму как ошибку, но именно так она использовалась в XVI веке на Кипре. Вы написали, что не знаете такого существительного, но оно было в ходу в XVII веке в Фессалии» — и т. п. Так, тихим голосом, не поднимая глаз, отец В. разобрал все возражения своего ученого собеседника.

А вот и другая история о нем. Однажды прошел слух, что в Ставреникиту приедет Миттеран — тогдашний президент Франции. Монахи решили подшутить над вечно сидящим в библиотеке отцом В. и прибежали к нему со словами: «Отче, Миттеран уже приехал и очень просит вас выйти и поговорить с ним!» «Передайте ему, пожалуйста, мои извинения и скажите, что я очень занят», — ответил ученый.

Мое знакомство с отцом В. продолжилось перепиской и дальнейшими встречами на Афоне. Сейчас он (в сане игумена) возглавляет небольшой монастырь в Германии. Насельники монастыря — главным образом ученые монахи — занимаются научной, миссионерской и просветительной деятельностью.

ОТЕЦ ПАИСИЙ

Благодаря отцу В. я познакомился с одним из наиболее известных современных греческих старцев — отцом Паисием. К сожалению, в памяти осталось очень мало от этой встречи. Постараюсь вспомнить все по порядку.

В один из дней (это был мой третий визит на Афон — в июне 1984 года) отец В. предложил мне пойти к отцу Паисию. Я согласился с радостью, но не без трепета. Когда мы шли вдвоем по направлению к келье подвижника, мой трепет усиливался, в голову лезли мысли: «Приблизимся мы к нему, он глянет на меня и грозно скажет: "Зачем сюда привели этого неисправимого грешника? Гоните его отсюда!"»

Мы подошли к маленькому белому домику на пригорке, обнесенному высокой оградой. На калитке висел замок. От двери домика до калитки была протянута проволока. Отец В. позвонил в колокольчик. Очевидно, кто-то нас из окна увидел, так как из двери высунулась рука и повесила на проволоку ключ, который тут же, повинувшись закону тяготения, съехал вниз, к калитке. Мой спутник отпер замок, и мы вошли. Поднялись на пригорок и сели на скамеечку, сбоку от двери. Почти сразу же к нам вышел хозяин — невысокий, сухонький монах с курчавой седоватой бородой. Одет он был в типичный для Афона выгоревший на солнце холщовый застиранный подрясник, давно утративший свой первоначальный черный цвет, и в безрукавку поверх него. Я поразился, что отец Паисий совсем

не выглядел глубоким стариком Ласково улыбаясь, он приветствовал нас. Взгляд у него был, я даже сказал бы, застенчивым. В руках старец держал поднос с сокращенным вариантом типичного афонского угощения — двумя стаканами прохладной воды и кусочками рахат-лукума.

Отец В. рассказал отцу Паисию обо мне. Услышав, что я из России, батюшка обрадовался, сказав, что его старец был русским и что он всегда счастлив слышать об обращении к Богу молодежи из атеистических семей — это доказывает, что вера в России возродится, и он всегда молился об этом.

Сейчас я почти забыл весь свой греческий — практики нет, но тогда худо-бедно мог объясняться и почти все понимал. Конечно, помогало то, что я несколько лет подряд проводил по месяцу в греческой среде. Так что разговор я старался вести на греческом, время от времени прибегая к помощи отца В. Но это сыграло и свою отрицательную роль: я слишком концентрировался на языке, и поэтому большая часть содержания беседы вскоре оказалась почти стертой из моей памяти, хотя сама беседа была довольно долгой — я говорил с отцом Паисием около сорока минут, а затем еще около часа сидел в сторонке и ждал, пока отец В. получит от батюшки ответы на все свои вопросы. Впрочем, никаких особенно сложных вопросов я не задавал: говорили мы о вещах вполне обыденных, как я сказал бы сейчас — базовых.

В числе прочего я спросил у старца его мнение о том, становиться ли мне монахом или продолжать искать супругу. Он ответил, что не может решить это за меня, но что решение я должен принимать поскорее. «Вот сколько вам лет?» — спросил он. Я ответил, что двадцать девять. «Лучше принять решение до тридцати, — сказал старец. — Чем позже, тем будет сложнее и принимать решение, и затем придерживаться его. В тридцать один год человеку нужен один сильный толчок (и тут старец, улыбаясь, довольно сильно подпихнул меня, так что я чуть не слетел со скамейки), чтобы его подвигнуть в правильном направлении, в тридцать два — два толчка, в тридцать три — три и т. д.»

Женился я только в тридцать семь лет...

В ответ еще на один мой вопрос (не помню, какой) батюшка пошутил о состоянии своих зубов, действительно имевших далеко не лучший вид — наверное, он никогда не ходил к дантисту. Когда мы встали, чтобы проститься, старец зашел в свою келью и вынес оттуда небольшие четки (в тридцать три зерна) собственной вязки. Несколько лет я не расставался с ними, но потом, к большому моему горю, они потерялись в одном из путешествий. Может быть, на то была воля Божия.

Когда мы спустились к калитке, то увидели там человек десять разновозрастных паломников-греков, терпеливо ждавших, не пожелает ли отец Паисий их принять.

И это, в общем-то, все, что я могу припомнить о встрече с отцом Паисием. Намного яснее, чем содержание разговора, в памяти держится ощущение от него — радость, свет и тепло. Белая стена кельи, залитый солнцем пригорок, пряный запах трав и улыбающееся, полное любви и участия лицо старца.

ДАТЧАНИН

Как-то, еду на катере из одного монастыря в другой, я разговорился с соседом по лавке — светловолосым паломником средних лет. Он оказался датчанином, учителем средней школы. Узнав, что я на Афоне уже две недели и собираюсь пробыть еще столько же, он вздохнул: «Какой вы счастливый, что имеете такую привилегию! Я ведь неправославный и могу пробыть тут лишь четыре дня. Каждый год я езжу сюда на четыре дня уже много лет подряд. И ради этих четырех дней я живу весь год. Я хожу на все службы, стою в притворе, где многое слышно (в афонских монастырях инославным не позволяется присутствовать на богослужениях — в храмы можно заходить лишь в небогослужбное время. — А. Д.), и молюсь, как умею. Как я мечтал бы стать православным! Но живу я на небольшом острове, где нет ни одного православного, а на всю Данию — один-

единственный православный храм — в Копенгагене, за много часов пути от моего острова. А как можно быть православным и не жить церковной жизнью? Я рассказываю своим ученикам о Православии, а когда мы однажды поехали на экскурсию в столицу, я повел их в храм, чтобы они увидели живое Православие, а не знали бы о нем только из моих рассказов. Мы зашли в удивительную по красоте церковь, но нас тут же оттуда выгнали, сказав, что неправославным в храме делать нечего. Я понимаю, что такое поведение не имеет ничего общего с настоящим Православием, но детям это было очень сложно объяснить. Поэтому, наверное, лучше, чтобы они познакомились с Православием по книгам, чем вживую. Как вы считаете?»

Я был поражен верой и смирением этого человека. Вспомнились слова Христа о женщине сиропфиникиянке, что и в Израиле он не находил такой веры. Надеюсь и уповаю, что молитвы этого человека были услышаны, его мечта исполнилась и он стал православным христианином Ведь теперь в Дании уже три православных прихода: два в Копенгагене и один в Орхусе, плюс монастырь на небольшом острове, и может быть, этот смиренный учитель смог переехать поближе к одному из них.

ИЗ БАПТИЗМА В ПРАВОСЛАВИЕ

А вот мой давний друг и свидетель многих из этих встреч — Джеффри Макдональд обратился в Православие иначе. Наверное, об этом тоже стоит рассказать.

Джеффри — американец шотландского происхождения, из клана тех самых Макдональдов, по рождению, разумеется, принадлежал к пресвитерианской церкви — национальной церкви Шотландии. Родители его были не слишком церковными, но все же по воскресеньям водили его на службу и в приходскую школу. Джеффри с детства отличался от всей своей родни. Отец его был весьма успешным менеджером, и в семье была сильна предпринимательская жилка. А старший сын — тихий, книжный мальчик — главным смыслом жизни видел служение Богу. В пятнадцать лет Джеффри обратился в баптизм, увидев там искренне и горячо верующих людей. Он ничего не делал наполовину и, окончив школу, поступил в самый известный баптистский библейский университет, где решил специализироваться на новозаветной археологии.

После второго курса Джеффри поехал в Палестину, где все лето работал на раскопках. И тогда он впервые задался вопросом: а когда же началось отпадение верующих от библейских принципов, о котором говорили ему его учителя? Он решил провести собственное исследование. Каковым было первое поколение христиан после написания Нового Завета? Так Джеффри познакомился с посланиями ученика св. Иоанна Евангелиста — священномученика Игнатия Богоносца, епископа Антиохийского — одного из первых христианских богословов, принявшего мученическую кончину в царствование императора Траяна (107 г.). Епископа Игнатия арестовали в его родном городе, когда он был уже в весьма преклонном возрасте, и в узах повлекли в Рим, чтобы бросить на растерзание львам на арене цирка. По пути св. Игнатий писал послания церквям в тех городах, через которые его проводили. Джеффри придирчиво проштудировал эти послания и убедился, что по духу они ничем не отличаются от библейских. Он перешел к следующему поколению и стал читать писания сщмч. Поликарпа, епископа Смирнского, младшего современника св. Игнатия, также казненного римскими властями на арене цирка, но в его родном городе Смирне в 155 — 156 годах в возрасте 86 лет. Проконсул предложил ему похулить Христа и идти с миром. «Восемьдесят шесть лет я служу Ему, — отвечал Поликарп, — и никакой обиды не претерпел от Него. Как же я могу похулить Царя моего, Который меня спас?». И в его писаниях даже самому придирчивому взгляду придаться было не к чему — мученик Поликарп ни в чем не отходил от библейского духа.

Джеффри познакомился с трудами св. Иустина Мученика — первого христианского философа, интеллигента, который, получив блестящее образование, искал высшую мудрость по

всему свету и нашел ее в христианстве. Он был казнен в Риме при императоре-философе Марке Аврелии между 162 и 168 годами. Далее мой друг стал читать труды сщмч. Иринея Лионского — малоазийского грека, ученика св. Поликарпа, уехавшего в далекую Галлию и ставшего там епископом, миссионером и богословом. Он принял мученическую кончину в 202 году. И опять все эти писания были образцами библейской мысли, библейской веры и библейского духа.

Так, шаг за шагом, молодой баптист дошел до сегодняшнего дня, до писаний святителей Игнатия Брянчанинова, Феофана Затворника и современных православных богословов, и убедился, что библейская традиция, Предание никогда не прерывалось и живет в единой и единственной исторической Церкви Христовой. Так он стал православным, наконец завершив свои поиски Церкви, в которой истинно служат Богу. Когда его принимали в Церковь, ему нарекли имя Серафим — в честь преп. Серафима Саровского).

Нужно сказать, что у Джеффри-Серафима на всю жизнь сохранились характерные для искренних баптистов честность и щепетильность — качества, к которым мы, православные, зачастую относимся, увы, весьма небрежно.

Когда он обратился в Православие, ему оставалось доучиться еще год в его баптистском университете. Ситуация осложнялась тем, что он при поступлении дал обязательство на все время обучения отказаться от употребления спиртного под угрозой изгнания из университета. Но в американских православных церквях запивка после причастия всегда состоит из вина с кипятком, и, принимая ее, он нарушал свое обещание. Поэтому он направился к ректору и подал ему докладную о том, что в силу изменившихся обстоятельств его жизни, он не в силах более выполнять свое обещание в данном пункте, о чем формально ставит ректора в известность и оставляет дело на его усмотрение. К чести ректора нужно сказать, что он позволил Джеффри закончить курс.

Многие ли из нас обратили ли бы внимание на такую мелочь? Но жизнь состоит из мелочей, и Джеффри старался отвечать за себя и свои слова в каждой из них. Не, о таких ли людях сказал Господь: «Добрый и верный раб! Ты был верен в малом, над многим тебя поставлю. Войди - в радость Господина твоего!» (Мф. 25:20)

ПЕРВЫЙ ПОСТ

А вот и другой рассказ (совсем не столь поучительный) об ином новообращенном. Сейчас он известный священник Православной Церкви в Америке. Назовем его отец Майкл. Он обратился в Православие, когда учился в Европе. Майкл окончил университет (факультет протестантской теологии) в Германии и направился в докторантуру в Париж. Он давно интересовался Православием, и в столице Франции наконец был принят в Церковь. Это было незадолго до начала Великого поста, и новообращенный православный с большим энтузиазмом начал поститься. Весь пост он соблюдал строго по уставу, ходил на все службы, причащался на Преждеосвященных литургиях, почти ничего не ел.

Но вот наконец наступила Пасха. Майкл, ощущая особую радость от сознания того, что он сделал все как надо, выстоял всю службу, причастился и, покачиваясь от слабости и усталости, направился было домой, но тут его перехватила веселая компания из детей русских эмигрантов первой волны: «Миша, дорогой, поехали к нам разговляться!» Первым делом ему всунули стакан, полный до краев ледяной водкой и заявили, что по-русски, по-православному разговление нужно начинать с этого, а пить — залпом. Майкл сделал, как ему было сказано, и тут же упал от резкой боли. Вызвали скорую, его отвезли в больницу с прободением язвы желудка, оперировали, пролечили, но поститься с тех пор он не может по медицинским показаниям.

«Все это было крайне полезным для воспитания во мне смирения», — улыбается теперь отец Майкл.

КАХЬКИНИСТСКИЙ ПАСТОР

И наконец, история, связанная с обращением еще одного моего хорошего знакомого — голландца. Назовем его Тео Ван-дер-Хайек. Тео был сыном кальвинистского пастора из города Гааги. С детства он помогал отцу, играл на органе в его церкви. Когда мальчику было около пятнадцати, лет он впервые поехал в Париж. Гуляя по улицам французской столицы, он заметил необычное церковное здание, зашел туда и оказался в русском православном храме. Службы не было. На скамеечке сидел седобородый старец в черной рясе, который ласково поздоровался с юным голландцем. Так Тео познакомился с замечательным русским архиереем — епископом Александром Семеновым-Тян-Шанским, кстати сказать, сыном знаменитого путешественника и первооткрывателя. Вскоре Тео принял Православие с именем Иоанн (в честь святого евангелиста Иоанна Богослова) и стал духовным чадом владыки.

Отец, хоть и был недоволен выбором сына, не стал ему препятствовать (знаменитая голландская терпимость!), и Тео, закончив университет, дальнейшее образование получал уже православное (Свято-Владимирская духовная академия, аспирантура, докторантура).

С отцом моего друга я познакомился много позже, когда Тео заканчивал докторантуру в США (диссертацию он писал о прп. Симеоне Новом Богослове), а я проезжал через Голландию по пути в какую-то из Балканских стран. Тео, который в то время проводил каникулы дома, пригласил меня переночевать у них.

На пороге дома меня встретил бодрый и улыбчивый старичок, который, пожимая мне руку, спросил по-английски с сильным голландским акцентом: «Скажите, а вы тоже тринитарий?» Поскольку это был первый вопрос, который он задал мне после того, как Тео сказал ему мое имя, а также и из-за его акцента я сразу, что называется, «не въехал» и переспросил, что он имеет в виду. «Вы тоже верите в божество Христа?» — перефразировал свой вопрос старичок. «Да, конечно, я тринитарий», — отвечивал я. «Вот и мой сын такой же, — широко улыбаясь, сообщил мне пастор, а я — унитарий. Забавно, правда?». Тут мой ум вновь отказался зарегистрировать его слова, и я, решив, что ослышался, опять попросил его повторить. «Я не верю в божество Христа», — громко и как-то радостно информировал меня отец моего друга.

Действительно, в доме его не было ничего, что напоминало бы о профессии его хозяина — все-таки пастор как-никак! Ни креста, ни картины на библейскую тему, — ничего! Только на лестнице в узком витражном окне переливалась всеми цветами радуги шестиконечная еврейская звезда.

Тут я немножко понял ту готовность, с которой Тео обратился в Православие: сын пастора в нем впервые познакомился с настоящим христианством.

Сейчас он профессор в Свято-Сергиевском богословском институте в Париже.

КАК МЫ МЕШАЕМ ЛЮДЯМ ПРИХОДИТЬ В ПРАВОСЛАВИЕ

Чтобы закончить эту тему, расскажу еще о двух обратившихся в Православие людях, которым не помешал даже крайне неудачный опыт их первого знакомства с нашей Церковью.

Один мой знакомый православный англичанин когда-то, много лет назад, впервые приехал в СССР. Он тогда почти ничего не знал о Православии, а о России у него было самое романтическое представление: Достоевский, «Доктор Живаго», рублевская «Троица» и т. д. Был конец лета. Москва казалась почти пустой. Мой знакомый бродил по улицам, смотрел по сторонам и всему радовался. Вдруг он увидел православный храм с приоткрытой дверью. А ведь в то время большинство московских храмов (как и во всей стране) были, что называется, недействующими. Англичанин

зашел в дверь и натолкнулся на полную даму в синем халате, моющую пол. Она стала сердито на него кричать, тесня его к выходу. Языка он не понимал совсем и, чем вызвано ее раздражение, уразуметь не мог. По-русски он знал всего три слова и решил употребить сразу два из них. «Христос воскрес!» — воскликнул он, широко улыбаясь разгневанной даме. «Нет!» — отрезала она, выпихнув его на паперть и хлопнув дверью ему в лицо. Это было третье тогда известное ему русское слово.

Впрочем, столь неласковый прием не вызвал у него обиды. Дома, в Лондоне, он отыскал православный храм и через два года стал членом Церкви.

Похожая история случилась с другим моим знакомым — православным американцем. И произошла она у него на родине, в США, в городе Сиэтле.

Как-то он заметил на улице здание весьма необычной архитектуры. Его шпили почему-то были увенчаны куполами странной луковичной формы. На фасаде он прочитал, что это православная церковь — деноминация, о которой он до этого ровно ничего не слышал. Из любопытства он зашел внутрь и понял, что попал на службу. Внутреннее убранство этой церкви поразило его своей необычностью. Все пространство посередине было пустым — столь привычные скамейки отсутствовали. Впереди мерцало тусклое золото стены из священных изображений. Они были повсюду — на стенах, на специальных подставках, но стиль их был ему совершенно непривычен. Молящихся в храме он вообще не заметил — может быть, там и было несколько человек, но они не запечатлелись в его памяти. Невидимый хор (очевидно, он размещался наверху) пел странные, совершенно неземные мелодии. Прошел бородатый священнослужитель в странной парчовой накидке, кадя весь храм по окружности. Но, несмотря на эту пустоту, мой знакомый явно ощутил Божественное присутствие в этом храме. Так он стоял, не зная, где он находится — на небе или на земле, как вдруг он заметил древнюю старушку. Тяжело опираясь на свою палочку, она зашла в храм и направилась к иконам. Поцеловав ту, которая была помещена на центральном столике со скошенной крышкой, старушка стала прикладываться к изображениям, висевшим а стенах храма. Видно было, что ходить ей трудно, но она продолжала свой многосложный паломнический путь. Обойдя все иконы, старушка направилась прямо к моему знакомому, одиноко стоявшему посреди пустого храма. Когда она подошла вплотную к молодому человеку, тот широко улыбнулся ей и хотел было поздороваться, но она довольно ощутимо ударила его своей клюкой по ногам и сказала с резким русским акцентом: «Это мое место!»

Таково было его первое знакомство с Православием. Оно тоже с весьма благополучным концом. Через пару лет он принял церковное крещение.

МОНАСТЫРИ И ПОДВИЖНИКИ

Вернемся на Афон. Его административное устройство уникально и не имеет аналогов в мире. Вся территория полуострова распределена между двадцатью монастырями. Монастыри — равноправные «субъекты Афонской федерации», но при этом соотносящиеся друг с другом в строгом диптихиальном порядке. Первенство чести имеет самый старый афонский монастырь — Великая Лавра. Второй монастырь Святой Горы — Ватопед. Последний в списке из двадцати — Костамониту. Наш Пантелеймонов монастырь — на предпоследнем месте. Сербский Хиландар - на четвертом. Болгарский Зограф - на девятом. Правительство Афона состоит из двадцати представителей этих монастырей. Для удобства они выбирают внутри себя пятерых — текущее правительство Афона. Представители этих монастырей живут в столице полуострова — **Карее**, ежедневно заседают в Протате и решают текущие вопросы. Каждый год пятерка меняется, так что через четыре года правительство полностью обновляется. У пятерки есть печать, состоящая из пяти

частей, то есть каждый должен соединить свою часть с другими, и если этого не произойдет, то печать не сложится и документ будет недействителен. Для принятия особо важных решений собирается общий совет, то есть представители всех монастырей.

Основная «административная единица» на Афоне — это монастырь. Каждый из упомянутых двадцати монастырей обладает своей территорией. Кроме того, на их территории могут находиться скиты, которые статуса монастыря не имеют. Скит — это самостоятельное образование, автономное, в управление которым монастырь не вмешивается, пока там сохраняется преемственность. Но если скит опустевает, то монастырь имеет право создать новый устав и заселить скит новыми монахами. Были ситуации, когда скиты на территории монастыря делались намного крупнее, чем сам монастырь.

Например, русский Андреевский скит с числом монахов около восьмисот, был намного больше, чем тот монастырь, на территории которого он находится. Далее, есть келлии. Келлией в афонском понимании называется небольшой монастырь. Обычно в келлии не больше пятнадцати монахов, в среднем же человек пять — восемь, но может быть и меньше. Следующая единица афонского устройства называется «калива». Калива — это домик без храма, расположенный на арендованном у монастыря клочке земли, где живет отшельник или монах с одним или двумя учениками. Но есть и отшельники, которые живут без дома — в пещерах, в том числе даже и на отвесных скалах, куда добраться можно, только карабкаясь по подвешенным цепям. Этих отшельников так просто не увидеть, потому что они стараются не попадаться людям на глаза.

А ведь на Афоне есть еще и некоторое число исключительных подвижников. Во многих монастырях вам расскажут об «обнаженных отцах», уединенно живущих в пещерах на недоступном скалистом южном окончании полуострова и долгие годы не имеющих никаких контактов с людьми (кроме избранного брата, приносящего им Причастие), так что даже и всю одежду изнашивали уже. Непременно расскажут о том, как какие-нибудь немецкие туристы случайно забрели в одну из таких пещер и увидели там следы скудного жилья, но не нашли обитателей. Потом они, дескать, рассказали об этом в ближайшем монастыре, взялись продемонстрировать эту пещеру, но уже не смогли ее отыскать...

На вершине Горы Афон мы с Джеффри обнаружили нечто подобное — даже не пещеру, а щель между двумя глыбами мрамора. Там лежала соломенная подстилка, а рядом стояла железная бочка с ржавой водой, в которой плавал полиэтиленовый мешок с листьями салата. Когда мы спускались, мы встретили жителя вершины — сравнительно молодого (черная борода) монаха в стареньком выцветшем подряснике. Он поднимался вверх, неся глиняный кувшин с питьевой водой (ближайшая к вершине питьевая вода — на уровне 1200 метров). Мы попросили его благословения, спросили его имя (оказалось, монах Дамаскин) и предложили оставшиеся у нас хлеб и оливки, которые он, к нашей радости, принял. Вот такая мимолетная афонская встреча...

АФОНСКИЕ КОШКИ

Официально считается, что на Афоне не было женщин уже более тысячи лет. Это почти что так. Известно, что грозный сербский властелин Стефан Душан, в XIV веке завоевавший северную Грецию и включивший ее в свою империю, прибыл на Афон со своей супругой, чтобы и она могла поклониться собранным там святыням. Правда, сербскую царицу все время несли на носилках, так что формально на афонскую землю она не ступила. Во время турецкого ига Афон также неоднократно давал прибежище беженцам, в том числе и женщинам с детьми. В подобных случаях жили они, скорее всего, на «ничейной земле», в границах Афона, но не доходя до территории первых монастырей. Известны и истории о современных феминистках, которые высказывали на свято-

горский берег из быстроходных катеров, подпрыгивали и притопывали несколько раз и быстро-быстро отплывали обратно: главное — отметить, что они нарушили «унижающий женщин вековой запрет». За исключением этих и им подобных случаев, женщин на Афоне действительно не было.

Нет там даже и домашних животных женского пола — только кобели, жеребцы и мулы. Домашней птицы нет вообще — куриные яйца привозные и дают их на трапезах лишь по праздникам. Но и тут есть важное исключение: кошки, которых на Афоне множество при каждом монастыре, имеются обоих полов. Случилось ли так потому, что пол маленького котенка определить чрезвычайно трудно, или потому, что кошка дорогу к коту найдет всегда — не знаю. Но кошачье племя на Афоне присутствует, плодится и размножается. Наши пушистые домашние любимцы играют там очень важную роль, помимо ловли мышей и крыс, что само по себе уже немало. Кроме этого, монастырские мурки истребляют ядовитых змей, которые на Афоне встречаются и даже время от времени кусают монахов и паломников.

Мне довелось увидеть один из таких поединков. Я шел по тропинке позади монастыря Филофей, как всегда глаза по сторонам. В последний момент боковым зрением я увидел что-то перед собой на дороге, глянул и остолбенел: под моей занесенной для очередного шага ногой, извиваясь, быстро ползла почти метровая толстая серая гадюка с геометрическим узором на спине. Я застыл на месте, но не успел еще понять, в чем дело, когда послышалось громкое шипение и на змею откуда-то из-за кустов прыгнула кошка. Шерсть ее была взъерошена, хвост задран вверх и распушен. Змея отдернулась и сделала выпад в сторону кошки. Пружиня на всех четырех лапах, как мангуста, кошка отскочила назад и тут же перепрыгнула через ползучую тварь, которая прынула вверх, но поздно: кошка уже успела приземлиться. Еще несколько грациозных прыжков, выпадов и контрвыпадов, и пушистому зверьку удалось запрыгнуть за голову змеи, как бы оседлав ее, и впиться зубами ей в шею. Теперь главное было не разжимать челюстей. Гадюка несколько раз мощно дернулась, поднимая кошку на воздух, но та держалась крепко и всякий раз приземлялась на все четыре лапы. Наконец, змея затихла, и кошка с урчанием приступила к своему обеду. Она все еще была очень возбуждена, и я не стал мешать своей спасительнице наслаждаться вкусом законной добычи.

ЩЕДРЫЙ ДАР

С самым первым в моей жизни афонским монахом я познакомился в Афинах, за пару месяцев до того, как приехал на Афон. То была моя первая «эмиграционная» поездка. Когда мне представилась возможность выехать из Америки, я недолго сомневался, куда я должен направиться в первый раз. Только что был завершен первый курс Академии, и я мечтал вживую увидеть те места, где зародилась моя новообретенная вера, — Святую Землю и Грецию. Времени у меня было два с половиной месяца, из которых я месяц отвел на Израиль, а остальное — на Элладу. Денег было мало, так что путешествовать я планировал автостопом, ночевать либо у знакомых, либо под открытым небом, а питаться хлебом с помидорами и сыром, позволяя себе горячую пищу (в ресторанчиках) лишь через день. Я выправил себе международный паспорт беженца (гражданства у меня никакого не было), взял взаймы у приятеля огромный оранжевый рюкзак на алюминиевой раме и спальный мешок, купил самый дешевый авиабилет до Афин и обратно и отправился в путь.

Прилетев в Афины (в автобусе, везшем нас из аэропорта в город, я, помню, все приставал к соседу-греку: «Скажите, а это, правда, Акрополь?», «Скажите, а это на нем, правда, Парфенон?»), я увидел, что с мешком расположиться там негде, а знакомых у меня в этом городе не было. Промучившись бессонную, шумную, жаркую и душную ночь в студенческой ночлежке, я отправился на литургию (день был воскресным) в русский храм, замеченный мной в центре Афин накануне вечером. За литургией я причастился, а по ее окончании подошел к настоятелю — архимандриту

Тимофею (сейчас он игумен известного своей миссионерской и просветительной деятельностью Параклитского монастыря, расположенного недалеко от Афин) и попросил помощи. Отец Тимофей отвез меня в русский старческий дом (есть такой в Афинах) и благословил там поселиться. В этом месте я познакомился с замечательными старушками — эмигрантками «первой волны», уехавшими из России в первые послереволюционные годы. И хотя они по происхождению были гречанками с южных окраин Империи, которых увезли в Грецию совсем молодыми, они на всю жизнь сохранили свою русскую самоидентификацию, любовь к покинутому отечеству и великолепный русский язык — плод гимназического образования. С одной из них — Рахилью, замечательной жертвенной христианкой, исполненной любви ко всем и всем служившей (помяни, Господи, ее душу!), я потом еще долго переписывался.

А вечером в старческом доме меня познакомили с отцом Сергием — афонским монахом, также остановившимся там.

Невысокого, сухонького, светловолосого иеросхимонаха Сергия привезли в Афины делать операцию по поводу варикозных вен на ногах — профессионального заболевания духовенства. Весь вечер я слушал его рассказы об Афоне и о церковной России, откуда он уехал за несколько лет до меня: отец Сергий был в первой группе монахов, которую советское правительство согласилось выпустить на Афон, а греческое правительство согласилось впустить. Вся группа была из Псково-Печерского монастыря и поселилась в тогда совсем умиравшем Пантелеимоновом монастыре в 1972 году, таким образом обеспечив сохранение преемственности в обители.

Билет в Иерусалим и обратно я купил на следующее утро — через два дня мне нужно было вылетать из Афин, а пока можно было знакомиться с этим городом. На следующий день я поехал навещать отца Сергия в больнице. Он лежал в одной палате с другим монахом — греком с черной бородой и воспаленными, сухими, беспокойными (видно, он сильно страдал) черными глазами. Возле него на стуле сидел другой монах, с трогательной нежностью ухаживавший за ним. Отец Сергий обрадовался моему приходу. Я стал расспрашивать о его самочувствии, он сказал, что все в порядке и что операция назначена на завтра. Ночью он хорошо отдохнул и даже дал отдохнуть греческому монаху, смотрящему за больным собратом, подменив его. «Сколько же вы спали?» — удивился я. «Более чем достаточно — часа три. Да я ведь тут целый день ничего не делаю. Это когда выполняешь тяжелую физическую работу, требуется больше сна — часа четыре или даже пять», — ответил он.

Мы прообщались около часа, а когда я стал прощаться с ним, он протянул мне несколько банкнот: «Ты на чем сюда приехал? На автобусе? Возьми, домой на такси поедешь! Провезут по всему городу. Я когда приехал сюда из Салоник, меня провезли по городу на машине — красота! Прокатись тоже!»

Я стал оказываться от денег, которых у отца Сергия явно было совсем немного, но он был непреклонен: «Сотвори послушание, возьми!» Тут уж противиться было невозможно — я принял его подарок.

На самом деле этот дар меня потряс. Конечно, монаху отцу Сергию были безразличны городские виды. Но, наверное, он вспоминал свое детство и юность, когда для жителя небольшого городка, откуда он происходил, поездка на машине по центру большого города казалась неслыханным счастьем. И вот он решил подарить мне — молодому человеку, каким когда-то был он сам, — такое счастье, отдав для этого выданные ему на личные расходы деньги.

Увы, с этого щедрого дара началась и печальная история моего непослушания отцу Сергию. Возвращаться в старческий дом тогда я еще не собирался: была только середина дня и у меня намечено было посетить еще несколько афинских достопримечательностей. Так что часть денег отца Сергия я потратил на большую порцию мороженого, а остальное отдал нищенке...

ЧЕТЫРЕ ДНЯ

Когда я планировал свою первую поездку на Афон, я совсем не представлял себе, что я там увижу. Я думал о нескольких монастырях, которые можно будет обойти за пару суток, и оставил Афон на самый конец своего первого полуторамесячного путешествия по святым местам Греции. Я рассчитывал пробыть там четыре дня. Но, конечно, все вышло иначе. Афон оказался громадным полуостровом — около восьмидесяти километров длиной и от восьми до двенадцати шириной. Причем это километры, если мерить линейкой по карте, а когда идешь пешком горными тропами, они, естественно, чуть ли не удваиваются. Машин тогда почти что совсем не было, так что максимум, на что можно было надеяться, — это подгадать и проплыть часть пути на катере, раз в день проходящем вдоль берега. Было два таких катера: один — в одну сторону, другой — в другую. Можно было арендовать мула и ездить на нем с проводником, но у меня не было ни возможности, ни желания прибегать к такому экзотическому способу передвижения.

Приезжать на Афон на три дня — это почти что не приезжать вовсе, потому что успеешь увидеть разве что самую малость. Двадцать монастырей, плюс множество скитов, келлий... Сейчас там можно проехать на машине, наняв «монашеское такси» с водителем. Тогда же машин не было, был только автобус, который от пристани довозил до столицы Афона, маленького поселения Кариес, или Карея по-русски. В Карее прибывшим выдавали специальный внутренний паспорт — диамонитирион, который на время путешествия по Афону делался основным документом паломников. Дальше можно было передвигаться, как вздумается. Но в каждом монастыре, куда вы заезжали, вы показывали диамонитирион, и монастырь на сутки предоставлял вам кров и питание. Можно было договориться остаться и дольше, но разрешение изначально давалось всегда на четыре дня.

Афон меня потряс. Естественно, я отказался ото всех остальных своих планов и оставался там десять дней — сколько только мог.

Я просчитал все по часам: утром уезжаю на катере с Афона, потом пересаживаюсь на автобус до Салоник, отсюда ночным автобусом еду в Афины, а наутро у меня был самолет в Нью-Йорк. В аэропорт я прибывал за два часа до отправления, то есть все сходилась до последнего мгновения.

Уезжать не хотелось страшно, но делать было нечего. Последнюю ночь я провел в Пантелеимоновом монастыре. Утром, перед прибытием катера, я зашел попрощаться с отцом Сергием, который уже давно вернулся из Афин и даже не вспоминал о своей операции. И тут отец Сергей говорит: «Ты зачем уезжаешь? Остайся еще дня на четыре». Я ответил, что очень бы хотел остаться, но не могу, так как у меня завтра билет на самолет до Нью-Йорка. Отец Сергей повторяет: «Послушай меня, оставайся на четыре дня». Я снова ответил, что не могу, хотя уезжать мне совсем не хочется, что у меня на душе кошки скребут, что он разрывает мое сердце, но что если я свой самолет пропущу, то билет — самый дешевый билет до Америки — пропадет и вернуться мне будет не на что, а в это время начнется учебный год, и «вообще отец Сергей, вы не понимаете, тут Афон, тут все по-другому, а там мир, там самолеты летают по расписанию, опоздавших не ждут и билетов не возвращают...». Но отец Сергей со странной настойчивостью снова и снова повторял про четыре дня, на которые я должен остаться. В конце концов, я не выдержал: «Ну все, отец Сергей, до свидания, вот мой катер, я пошел, надеюсь, еще вернусь и мы с вами увидимся» — и уехал. В Салониках я сел в ночной автобус, приехал в афинский аэропорт. Весь взмыленный, с опозданием несусь к своему самолету, подбегаю к регистрационной стойке и вижу: висит большое объявление о том, что объявлена забастовка авиадиспетчеров и все полеты на четыре дня отменены... Возвращаться на Афон не было ни денег, ни специального разрешения. Так что четыре дня я сидел в Афинах — пыльном, душном, жарком городе и думал о своих грехах.

СТАРЫЙ И НОВЫЙ АФОН

Как уже упоминалось, на Афоне я был четыре раза. Первая поездка, о чем я уже писал, состоялась в 1981 году. Всего тогда я пробыл на Святой Горе десять дней. На следующий год, 1982-й, я поехал туда уже на месяц с Джеффри Макдональдом. За это время мы с ним обошли девятнадцать из двадцати монастырей (кроме Костамониту), много скитов и келлий и взошли на вершину горы. В 1984 году я вновь вернулся на Афон, уже один. Теперь мне больше никуда не хотелось ездить, и весь этот месяц я провел в основном между двумя монастырями — Ставроникитой, где я жил больше двадцати дней, и Пантелеимоновым, где я провел около недели. На все остальные перемещения и визиты у меня ушло три-четыре дня.

В четвертый раз я приехал на Афон только в 2001 году, на сей раз впервые как житель России вместе с приятелем — московским предпринимателем, первый раз попавшим на Святую Гору. На Афоне — уже новом, с дорогами, машинами, электричеством и телефонами — мы прожили восемь дней, в течение которых посетили монастырей десять. Надеюсь, Господь попустит вернуться на Святую Гору еще не один раз.

ДЯДЯ ВАСЯ

Для въезда на Афон в 80-х годах нужно было сначала подать прошение в Министерство Северных Территорий, которое располагалось в Салониках, а потом дожидаться несколько дней. До сих пор это правило сохранилось; правда, сейчас все значительно упрощено и разрешение можно получить в курортном городке Уранополисе, непосредственно перед въездом на Афон. Но тогда для иностранцев резервировалось только двадцать разрешений в день, так что некоторые ждали разрешения на въезд по нескольку недель. В первый раз по милости Божией мне пришлось ждать разрешения всего три дня, зато потом я уже заранее списывался с отцом В., он подавал мое прошение заранее, и я приезжал практически впритык — ночевал в Салониках всего сутки или двое.

Когда я был в этом городе в первый раз, то отыскал русскую церковь и попросил разрешения там переночевать. Во время моих путешествий я много раз делал так в самых разных городах. В приходском доме при салоникской русской церкви постоянно проживал старик сторож дядя Вася, который обрадовался возможности помочь русскому паломнику и принял меня очень радушно — как родного. Дядя Вася родился за пару лет до начала века и даже успел поучиться немного в духовной семинарии. Потом прошла революция, началась Гражданская война, красные расстреляли его брата, священника, и он пошел в Белую армию — сражаться за Россию. В 1920 году подразделение, в котором воевал Василий, было практически уничтожено в бою под Новороссийском; он рассказывал, что из всего батальона осталось в живых лишь несколько человек, большинство из которых (включая его самого) были ранены. Их погрузили на английское судно и эвакуировали в Грецию, в Салоники, где Василий с тех пор и проживал.

Дядя Вася рассказывал, как он был в походе деникинской голодной, разутой, раздетой и почти безоружной армии, воевавшей на одном энтузиазме и дошедшей почти до Москвы. Рассказывал, как «англичанин» прислал Деникину депешу — с предложением поставок оружия и обмундирования. Тогда бедственное положение у белых дошло до крайности: последние остатки запасов были потрачены и воевать было нечем совершенно, в то время как красные были вооружены, тепло одеты, сыты и пьяны. А численное превосходство и без того всегда было у красных. Взамен на английскую помощь, по словам дяди Васи, Деникин должен был подписать концессию на всю каспийскую нефть в пользу Великобритании. На это, рассказывал старый солдат, его генерал ответил, что Россия есть и Россия будет, а его никто не уполномочивал торговать ее достоянием. В результате наступление Деникина было отброшено. Начался отход, который в конце концов привел дядю Васю на новороссийский берег, а затем на чужбину.

К богословскому образованию он уже не вернулся: и шансов не было, но, главное, он не считал возможным думать о своем рукоположении в священный сан после того, как он воевал и стрелял в людей. Но верность Церкви Василий сохранил на всю жизнь. Он стал одним из основателей русской церковной общины в Салониках и очень много сделал для ее нормального существования и функционирования. И как только дядя Вася вышел на пенсию, он переселился в домик при храме, который он и построил и в котором надеялся умереть.

Дядя Вася никогда более не возвращался на родину, но сохранил прекрасный, сочный русский язык, который мало где услышишь. Он сохранил и старый русский выговор, и строй речи. Интересно, что слова, обозначающие те реалии, которые вошли в жизнь уже после 20 года и которых раньше просто не было в русском языке, они так и остались не востребуемыми в эмигрантской среде. Вместо них эмигранты в европейских государствах употребляют слова, возникшие в языке страны их проживания. Например, автобус они называют «бас» или «бус», телевидение, скажем, «теле-визьон» или «телевижн», холодильник — «фрижердер» или «рефрижерейтор» и т. д... В общем, понять их можно без особого труда. А вот у дяди Васи все эти слова были греческими, вошедшими в его язык вместе с обозначаемыми ими предметами. Было особенно интересно дешифровать его речь, когда он говорил, например: «Вы пойдете на улицу и сядете на леофорео (то есть на автобус)»; или: «Еду возьмите в псигио (то есть в холодильнике)»; или: «По тилеораси (т. е. по телевизору) была интересная программа».

Скромный и сердечный, дядя Вася всей жизнью своей преподал мне очень важный урок верности, благоговения и смирения. Пребывание в его доме, общение с ним во время кратких дней ожидания было самой нужной прелюдией перед Афоном, переходом от мирской суеты к афонским неторопливости и размеренности, от мирского хаоса к афонской упорядоченности.

КИНОВИЯ И ИДИОРИТМИЯ

Афонские монастыри очень разные, и каждый сильно отличается от другого. Это как люди в униформах: видишь их первый раз, и кажется, что все они на одно лицо, а потом присмотришься и удивляешься, как раньше они могли казаться похожими? Характер Симонопетры — интеллектуальный и даже артистический (в хорошем смысле этого слова), Ставроникиты — камерный и семейный, Филофей — дисциплинированный почти по-военному. Такие монастыри, как Дионисиат и Святого Павла — крепкие общины старой закалки, более почвеннического, крестьянского характера. Впрочем, это наблюдения 80-х годов. С тех пор многое изменилось и характер многих монастырей поменялся, тем более что крепкие афонские монастыри берут шефство над «отстающими» и «подтягивают» их.

А ведь еще в 60-х годах прошлого века казалось, что дни Афона сочтены. Монастыри пустовали, черных бород почти не было — одни только седые, всюду царил мерзость запустения. Большая часть монастырей жила по особножительному (идиоритмическому) уставу, общежитийных (киновийных) обителей почти не оставалось. В общежитийных монастырях все общее и каждый монах подчиняется избранному братией игумену. Особножительный же устав означает, что каждый монах живет сам по себе, ведет свое хозяйство, сам питается, сам содержит своих учеников (если они у него имеются). Игуменов в таких монастырях нет, общемонастырское послушание отсутствует. Единственное совместное занятие с другими насельниками обители у монаха — богослужения. Да и те, в общем-то, не являются строго обязательными для всех — в храм должны ходить лишь те, кто служит череду или помогает им в служении. Такие монастыри все больше походили на своего рода общежития.

В результате особножительные монастыри приходили в упадок и стандарт духовной жизни в них неуклонно понижался. Многие уже предсказывали конец Афона, и турагентства начинали присматриваться к этому пропадающему для турбизнеса краю, прикидывая, как эффектно монастырские корпуса смотрелись бы в виде роскошных отелей.

Возрождение началось неожиданно для всех, когда на Святую Гору прибыла группа монахов из Метеоры во главе с игуменом, отцом Эмилианом. Метеора была знаменитым монашеским центром в Греции. Посреди обширной Фессалийской равнины там стоят почти отвесные гладкие скальные столбы, на вершинах которых на высоте птичьего полета выстроены монастыри. Пути вниз не было: припасы поднимали на веревках в корзинах. Если монаху требовалось спуститься или подняться, для этого использовались те же корзины. Но правительство Греции решило открыть эти монастыри для свободного туристического доступа. В скалах были вырублены лестницы, монастыри включены в программу маршрутов, и любопытствующие потекли косяком. Монашеское безмолвие и уединение оказались под угрозой, и значительная часть монахов, покинув родные стены, устремилась на все еще закрытый от праздных туристов Афон. Их приняли в монастыре Симонопетра. Возможно, он напоминал беглецам покинутую Метеору, так как находился на вершине крутой скалы, вздымающейся на триста метров над морем. Вскоре отец Эмилиан был выбран игуменом монастыря и тот перешел на общежитийный устав. За Симонопетрой последовали Филофей, Ставреникита и другие монастыри. Многочисленная и деятельная братия Филофея, возглавляемая великим миссионером наших дней игуменом Ефремом, взялась за реформирование других монастырей. Отец Ефрем посылал в особножитийный монастырь группу своих монахов, которые выбирали для себя игумена и начинали жить по общежитийному уставу. Постепенно все больше насельников монастыря, увлеченных их примером, присоединялись к ним, покуда не набиралось большинство, и тогда весь монастырь переходил на киновию.

Сегодня все монастыри, кроме одного, живут по общежитийному уставу. Последний перешедший на него монастырь — Ватопед. Я помню его в период упадка — единственный афонский монастырь, о котором у меня остались весьма тяжелые воспоминания. Сейчас это одна из наиболее активных, организованных и духовных общин Афона. Большинство монахов в этом монастыре — киприоты. Отчасти особножитийным остался только сербский монастырь Хиландар. Он живет по смешанному уставу, медленно переходя на киновийную жизнь.

О ГРУСТНОМ

К сожалению, и на Афоне есть свои проблемы и разделения.

Тут необходимо небольшое предисловие. Как историк, я не люблю делать широкие обобщения. Однако, если взять историю Западной Церкви еще до отделения римо-католичества и затем уже историю Западных христианских церквей и конфессий, она предстает как постоянная череда расколов «слева»: бесконечные попытки обновления, реформации, и чем дальше, тем все больше откалывающихся групп (лютеране, баптисты, церкви Христа, адвентисты и т. п.). История Восточной Церкви выглядит совершенно иначе. Для нее характерны расколы «справа», начиная, как минимум, с ариан, несториан, монофизитов и прочих слепо-консервативных групп, которые не принимали решений новых соборов, вплоть до наших старообрядцев и греческих старокалендаристов. Другими словами, в нашей церковной традиции есть хороший иммунитет от расколов «слева», но гораздо меньшая устойчивость от попыток раскола «справа». В последние годы мы снова стали тому свидетелями. Не случайно попытка раскола «слева» в виде неообновленчества была быстро отторгнута церковным народом, в то время как голоса «справа» воспринимаются как нечто заслуживающее доверия, как то, к чему нужно прислушаться. Увы, даже на Афоне некоторые не устояли перед соблазном раскола: под видом «бескомпромиссной борьбы» с «экуменизмом», «модернизмом», «глобализмом» и проч. некоторые смутьяны создали свои противостоящие церковной полноте группировки. К сожалению, им удалось вовлечь туда и какое-то количество монахов, часто весьма достойных, но, как правило, малообразованных и чрезмерно доверчивых.

Большая часть таких раскольников (на Афоне их называют «зилотами») живут по келлиям в труднодоступных местах или бесконечно шатаются по всему Афону, смущая паломников. Монастыри же, все крупные скиты и самые достойные келлии твердо держатся царского пути, не уклоняясь ни вправо ни влево. Но, увы, один монастырь из двадцати — Эсфигмен отделился от остальных, запер свои ворота и отказался участвовать в общеафонской жизни. Его представитель даже не участвует в работе Св. Кинота (афонского правительства) под предлогом того, что каждое заседание начинается с молитвы, а они, дескать, не могут молиться с отступниками. Остальные монастыри, мол, находятся в евхаристическом общении с поместными Православными Церквями, которые погрязли в экуменизме и модернизме и, следовательно, сами по себе уже стали еретиками. Эсфигменские насельники, как и другие зилоты, не признают таинств Православных Церквей, не сослужат с ними, не причащаются и запрещают их членам причащаться у себя и даже не молятся вместе с ними (то есть со всеми нами). Афониты многожды пытались залечить конфликт, но всякий раз натыкались на стену вражды и неприятия раскольников, готовых уцепиться за самые вздорные предлоги, лишь бы не воссоединиться со своими братьями.

Зилоты не являются чем-то единым, они разделены в себе, что и есть первый признак их пребывания вне Церкви: только в ней возможно сохранение единства, а отпадающие от нее немедленно начинают разделяться сами в себе и восставать друг на друга. Зилотские группировки, условно говоря, можно охарактеризовать как умеренные, жесткие и радикальные. Если первые только лишь отказываются от причастия в афонских монастырях, вторые говорят о невозможности присутствия на молитве «отпавших», третьи же гнушаются даже зайти в ворота монастыря. Разумеется, возможна и масса промежуточных вариантов. И все эти маленькие группы и группочки друг друга не признают и друг друга анафематствуют.

Я же до сих пор вспоминаю тяжелое впечатление, которое у меня осталось от встречи с одним зилотом-болгарином. Это был пожилой, благообразного вида монах, идущий по горной тропе. Нам было по пути, и мы разговорились дорогой. Он оказался вполне умеренным зилотом, жившим где-то на Каруле — на южном скалистом конце полуострова. Раньше он подвизался в Болгарии, но затем, продолжил он своим тихим и мягким голосом, «в Болгарии был введен новый календарь, и спасения там не стало, так что я перебрался сюда». Больше я уже не слушал, я был потрясен, как может этот человек спокойно и уверенно обречь всю свою родную страну на вечную смерть, нисколько не смущаясь и не огорчаясь. Мне сразу вспомнилось определение сектантства, данное моим духовным отцом Иоанном Мейендорфом: «Секта — это сравнительно небольшая замкнутая группа людей, которые считают, что только они одни спасутся, а остальные погибнут, и которые получают глубокое удовлетворение от осознания этого».

Парадоксальнее (а может, и закономернее) всего, что обвиняющие всех других в модернизме и потворстве глобализму зилоты все время обращаются за помощью в различные международные организации — те самые, которые в первую очередь и насаждают модернизм и глобализм. Зилоты квалифицированно, грамотно используют пиар, работают с журналистами (изобретая сенсации, вроде того что их преследуют, осаждают, убивают и т. п.) и собирают очень большие средства с тех, кого они проклинают и в сотрудничестве с кем они обвиняют своих противников. Все это очень прискорбно, особенно ввиду того, что мировое сообщество уже давно подбирается к Афону, стремясь открыть его для туризма и сделать открытым для всех. Феминистки сочиняют один судебный иск за другим, против «дискриминации по половому признаку» и озвучивают свои протесты в Европарламенте. Так что зилоты, каковыми бы ни были их непосредственные цели, своими скандалами и сутяжничеством объективно способствуют делу врагов Афона, стремящихся уничтожить это уникальное святое место.

Настоящим же афонитам не до пиара: они живут молитвой и служением Господу. Богослужбная жизнь Святой Горы не должна прерываться несмотря ни на что.

ВСЕНОЩНОЕ БДЕНИЕ

Важную часть богослужебной жизни Афона занимают всенощные бдения. Этим термином означает не 2-3-4-часовое богослужение, как его понимаем мы, а служба, которая продолжается буквально всю ночь — с вечера до утра или по меньшей мере большую часть ночи. Такие всенощные служат под все двенадцатые и ряд великих праздников, а в престольный праздник монастыря бывает всенощная продолжительностью в 12—15 часов (вместе с литургией). На эту службу собираются представители других монастырей, приглашаются лучшие афонские певчие, приходят и другие гости.

Мне довелось помолиться за главной всенощной Афона — под праздник иконы Божией Матери «Достоинно есть», которая находится в Протатском храме столицы Афона Кареи.

После кратко отслуженной малой вечерни гостей пригласили на трапезу, а затем, около 8 вечера, началась сама всенощная — с великой вечерни. Храм был убран к празднику и даже царские врата сняты с петель, чтобы не мешали проходу многочисленного служащего духовенства.

Служба началась практически в полной темноте. Едва горели лишь две лампадки перед ликами Христа и Богородицы в нижнем ярусе иконостаса и лампада чтеца, заабажуренная таким образом, что свет от нее падал лишь на страницу открытой книги.

Мы все разместились в стасидиях (особые стоячие кресла: в них можно стоять, опираясь на высокие подлокотники, можно полусидеть, откинувшись назад и уперевшись ногами в специальные подставки, и можно, разложив сиденье, сесть), сильно облегчающих долгие службы — во всяком случае, они позволяют забыть о ногах и сосредоточиться на главном.

Пели на два клироса — антифонно и Очень протяжно: каждое «Кирие, элесон» — «Господи, помилуй» — пелось не меньше двух-трех минут. Для того чтобы подольше растянуть пение, добавлялись лишние слоги: «нэ-нэ-нэ» и «тэ-рэ-рэм». Слова утратили свою самоценность — душа славословила Бога, и в этой абсолютной радости одних только слов было уже недостаточно. Мелодии вились по всему храму, переплетались друг с другом, возносились к высокому потолку и сквозь него — к небу. Казалось, что ты растворяешься в этой темноте и в этой пении. Времени больше не было. Остался лишь пульс славословия.

Когда стихиры на «Господи, возвах» перевалили за середину, монах-экклесиарх постепенно начал зажигать все светильники. Лампадки опускались вниз на шарнирах, а затем, уже зажженные, вновь взлетали наверх. Свечи на паникадилах зажигались при помощи огонька, закрепленного на длинной палке с плоскими щипцами и крючком на конце. Огоньком поджигалась смоляная нитка, искусно протянутая между свечами, которая, вспыхнув, воспламеняла и их. Постепенно храм наполнился светом, казавшимся ослепительным привыкшим к темноте глазам. Заново начищенные медные паникадила и металлические оклады икон сияли почти нестерпимым блеском. И вот на «славу» перед вечерним входом экклесиарх, зацепив крючком своей палки главное паникадило, закрутил его.

Тут нужно пояснить, как устроены афонские паникадила. Главное и самое большое паникадило (в Греции оно называется хорос), висящее в центре храма, имеет форму многоугольника, приближающегося к кругу. Оно состоит из плоских узорных медных пластин, в центре каждой из которых помещена икона. Пластины имеют форму прямоугольников, вытянутых в длину и скрепленных друг с другом петлями наподобие дверных. Сверху на них — подсвечники со вставленными свечами. Снизу часто висят изукрашенные страусиные яйца и позолоченные византийские двуглавы орлы. В большом паникадиле не менее пятидесяти подобных пластин, сантиметров по 30 — 40 в длину. Подвешено оно довольно низко, чуть выше голов самых высоких молящихся, на длинных тросах, закрепленных в куполе (человек среднего роста может дотронуться

до него рукой). Когда его закручивают, то вся эта конструкция приходит в медленное, величественное движение. Паникадило раскачивается как единое целое, и вместе с тем петли, которыми пластины скреплены друг с другом, также приходят в движение. Внутри этого огромного круга висит другое паникадило, более привычной для нас формы — разветвленного дерева с благословляющей десницей внизу. Его еkkлесиарх закрутил в другую сторону. Затем были закручены еще несколько малых паникадил — в притворе и боковых приделах храма. Впечатление от медленных и величавых (длинные подвесные тросы) движений сияющих светильников было потрясающим. Казалось, храм — это какой-то космический корабль, на предельной скорости под шум мотора (торжественное византийское пение) сквозь тьму и непогоду летящий к Престолу Божию. Начался вечерний вход: из северных врат иконостаса стал выходить длинный строй священников в разноцветных праздничных ризах и выстраиваться перед царскими вратами. Хор запел один из самых древних христианских гимнов — «Свете тихий».

Отцы зашли в алтарь, и еkkлесиарх, умирив вращение паникадил, приступил к тушению свечей и лампад, убирая огонь при помощи плоских щипцов, управляемых снизу, на конце своей универсальной палки.

Началась лития. Покуда она шла, гостей группами по десять — двенадцать человек приглашали в здание Протата (правительства Афонской монашеской республики), чтобы слегка передохнуть и подкрепиться. Нам подали все ту же традиционную рюмочку крепкой ракии, густой кофе, студеною воду и сладкое черешневое варенье.

Мы вернулись минут через двадцать. Лития все еще продолжалась. Закончилась она не раньше чем через час, и монахи запели стихиры на стиховне. В конце концов глубокой ночью отошла вечерня. Началась полунощница, а затем утренняя. Шестопсалмие читалось в полной темноте, наизусть, как и всегда на Афоне. На полиелей вновь зажигали свет и раскачивали паникадила. Потом вновь все погасло. После четырех постепенно стала давить усталость. Примостившись в стасидии, я невольно засыпал, клевал носом, боролся со сном в этой густой темноте, в которой не было ничего, кроме звуков молитвенного пения. «Пою Господеви моему, дондеже есмь». Казалось, что концентрация молитвы в храме достигла уже предела и вскоре не выдержат толстые каменные стены: храм либо лопнет, либо оторвется от земли.

Вдруг я заметил, что темнота уже не была крошечной: начинали сереть окна. Рассветало. Постепенно едва заметная серость сменилась белизной. Утренний свет стал проникать в намоленное пространство. И как только первый золотой луч солнца из заалтарного окна озарил храм, священник провозгласил: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» Хор запел великое славословие.

За утреней последовали часы, а затем литургия, которая отошла уже после полудня. Я шел назад, в монастырь Ставроникита, по пустынной пыльной белой дороге под жарким полуденным солнцем, совершенно не ощущая себя. Казалось, молитвенное пение все еще звучало, оно за эти долгие часы стало частью меня, да и не только меня, а всего, что меня окружало. «Всякое дыхание да хвалит Господа!» И действительно, тогда хвалило Господа все: и темная зелень листвы, и жар солнца, и стрекотание цикад, и оседающая на сандалиях пыль, и голубизна моря вдали, и пряный запах сухих трав, и едва заметный прохладный ветерок, в котором Господь явился пророку Илии на горе Хорив. Спать не хотелось совершенно. Ночь закончилась, и наступил день.

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ

Вспоминается исповедь в монастыре Григориат. Тогда игумен Георгий, который и поныне здравствует, поведал мне одну историю.

Ему довелось принимать предсмертную исповедь у одного священника в небольшом городке в Греции. У священника было двое детей с очень большой разницей в возрасте — старший сын и дочь много младше его. Сын поехал в Афины учиться, и с ним произошла трагедия — он погиб. Труп юноши был найден в пустынном месте. Ясно было лишь то, что умер он от побоев. Хотя сын священника был церковным человеком и вел благочестивую жизнь, креста на нем не было. И вот это отсутствие креста очень томило душу несчастного отца. Убийц тогда не нашли, преступление осталось нераскрытым.

Прошло время, дочь священника выросла, и у нее появился жених. Молодой человек был постарше ее, ходил к ним в дом и был хорошо принят. Священнику, к тому времени овдовевшему, он, в общем, нравился. Но сделать предложение жених все как-то не решался. Через некоторое время, когда было уже очевидно, что они друг друга любят, молодой человек попросил у этого священника об исповеди. Тот согласился, и жених признался, что полюбил его дочь и его семью, но должен сказать, что он их недостоин, потому что он — убийца. Одно время, довольно давно, он был в дурной компании, они загуляли и поздно ночью пристали к какому-то юноше, а это было в Афинах. Тот стал взывать к их совести, что их еще больше озлобило, они начали его избивать и забили его до смерти. Тогда жених, самый младший из той компании, из какого-то лиховства сорвал с юноши золотой крест, который до сих пор и носит при себе. С этими словами он показал священнику крест, в котором тот узнал пропавший крестильный крест своего сына. В тот момент отцу показалось, что пол уходит из-под его ног, сам он едва не упал. Он взмолился, чтобы Бог придал ему силы. А молодой человек продолжал: «Вы видите, такой отверженный Богом человек, как я, не может быть мужем вашей дочери, не может войти в вашу семью. Простите меня». Священник ответил: «Как я могу не принять тебя в свою семью, если Сам Бог принимает твое покаяние?»

Сыграли свадьбу, и все фотографии сына священника под благовидным предлогом были убраны подальше, чтобы муж его дочери никогда не догадался, что он убийца брата своей жены. Так этой тайны никто и не узнал. Священник рассказал это лишь отцу Георгию в предсмертной исповеди.

ДОБРЫЙ САМАРЯНИН

Чудесно все, связанное с Афеном. И когда собираешься ехать туда, начинают происходить удивительные истории. Одна из них, случившаяся со мной, почти буквально повторила одну из евангельских притч Христовых.

Когда мы с Джеффри планировали наше путешествие на Афон (для меня второе, для него первое), то, подсчитав наши финансовые ресурсы, поняли, что оно осуществимо лишь в режиме строгой экономии. Мы отыскивали очень дешевые билеты до Лондона, а оттуда решили ехать автостопом и совмещать приятное с полезным, по пути осматривая европейские достопримечательности. Всего мы отвели на эту поездку три месяца: месяц туда, месяц на Афоне и месяц назад. Естественно, заранее стали узнавать, где можно будет остановиться в разных пунктах нашего пути.

В то время в Свято-Владимирской академии учился докторант-голландец (тот самый Тео Вандер-Хайек, сын кальвинистского пастора), и мы поинтересовались, сможет ли он отыскать нам ночлег в Амстердаме. Он написал письма священнику — настоятелю амстердамского прихода и старосте. Ответа так и не пришло. К счастью, наш друг на всякий случай послал и третье письмо —

своему старому профессору из университета, кстати сказать, еврею по происхождению и агностику по убеждениям. От него пришла телеграмма: «Кто же может отказать в гостеприимстве паломникам?! Пусть приезжают».

Однако, когда мы добрались до Амстердама, вышла небольшая накладка. Кто-то что-то перепутал с датами, и профессор ждал нас в другое время. Когда мы ему позвонили, он очень удивился и сказал, что сейчас гостевая комната его небольшого дома занята — там живет семья беженцев из Польши. Но тем не менее его слово остается словом, и пусть мы не смущаемся: он все организует. Мы прибыли, и он отвел нас в удобную гостиницу в центре города и сказал, что номер и питание за три дня оплачены, а если у нас возникнет нужда еще в чем-либо, то мы должны немедленно обратиться к нему.

Вот такого доброго самарянина мы встретили на нашем пути...

МОРЯК

Была и другая запомнившаяся встреча, когда я ехал на Афон третий раз. В тот раз мой путь в Грецию лежал через Италию; я доехал из Рима автостопом до Бриндизи, а оттуда за ночь можно было весьма дешево доплыть до греческого порта Игуменица. Так, на паром можно было купить палубные билеты, а, имея спальный мешок, на палубе можно было прекрасно выспаться — во всяком случае, гораздо лучше, чем в душных каютах третьего класса. Больше всего я любил раскладывать свой спальник на самом носу судна: во-первых, потому, что там никто из других «палубников», боясь ветра, не ложился, а во-вторых, потому, что благодаря этому самому ветру спать было совсем не жарко.

В Бриндизи я приехал в конце дня и сразу купил свой билет. До отхода парома оставалось еще несколько часов. Я зашел в продовольственный магазинчик, чтобы купить еду на пароход и неожиданно столкнулся там с русскими моряками. В те далекие годы встретить за границей соотечественников было большой редкостью. К тому же, все они ходили группами и панически боялись заговаривать с местными жителями. А услышав русский язык, выездные соотечественники обычно еще более стремительно убегали, боясь, что сейчас начнется страшная антисоветская провокация, о которых их предупреждали на предварительных беседах в парткоме, блестяще спародированных Высоцким: «Там шпионки с крепким телом, ты их — в дверь, они — в окно...»

В качестве примера не могу не вспомнить две хулиганские истории из моей жизни, связанные со встречами с советскими туристами за границей. Одна из них произошла в Нью-Йорке году в 1978-м, когда я прожил в Америке еще совсем недолго и даже не думал, что через два года стану христианином. В те годы я носил очень длинные волосы (до середины спины) и одевался довольно пестро. И вот на улице города я заметил группу советских туристов — явление тогда и в том месте крайне редкое. Даже и в Болгарию было достаточно сложно попасть, в какую-нибудь Венгрию — еще сложнее. Далее в этой номенклатуре следовала Югославия, затем, если я не ошибаюсь, «развивающиеся страны», затем государства Западной Европы, а уж в США пускали только самых проверенных и заслуженных товарищей.

А тут — целая группа! Состояла она сплошь из коренастых дядек средних лет весьма обкомовского вида. Их куда-то вели, а, поскольку мне было в ту же сторону, я шел за ними несколько поодаль. И вдруг я заметил, что двое отстали. Загляделись на какую-то витрину и не заметили, что группа уже ушла вперед. Я поравнялся с ними и по какому-то вдохновению (еще несколько секунд назад я ничего такого не планировал) строго произнес: «Товарищи, почему вы отстали от остальных? Вы что, не знаете, в какой стране находитесь? Кучнее держитесь, кучнее! Немедленно присоединитесь к группе!»

Бедолаг как током передернуло. Они покраснели, побелели, встали навтыжку и хором сказали: «Извините, пожалуйста, товарищ! Обещаем, что больше такого не повторится». И бегом, несмотря на свои обширные габариты, припустили к своим.

Наверное, если они еще живы, до сих пор рассказывают домашним об эффективности бывшего КГБ, агенты которого в самом сердце США под видом местных хиппи «пасли» советские группы.

Другая встреча произошла много позже, в июне 1982 года. Мы с Джеффри, нагруженные своими рюкзаками, выбирались из Амстердама. Чтобы начать автостоп, необходимо выйти за границы города, к выезду на автостраду, и там можно уже поднимать палец. Было раннее утро. На самой окраине мы увидели группу людей в красных спортивных костюмах, которые, стоя широким кругом, делали утреннюю зарядку. На их груди и спине белели буквы, складывающиеся в английскую аббревиатуру Си-Си-Си-Пи, что-то смутно мне напоминавшие. Подойдя поближе, мы услышали слова одного из них — явно старшего: «Ноги на уровне плеч, руки в стороны...» — и т. п. И вдруг я сообразил, что слова произносились по-русски! Тут же разрешилась и загадка странной аббревиатуры: она состояла не из латинских, а из русских букв и значила, конечно, СССР! Видно это была советская спортивная команда, приехавшая в Голландию на соревнования.

И опять, проходя мимо, я совершенно без какого-либо предварительного плана, что называется, на автомате, выдал дикторским голосом: «С добрым утром, дорогие товарищи! Московское время семь часов тридцать минут. Начинаем утреннюю гимнастику!»

Вся группа застыла в немой сцене ровно в той позе, в которой застали каждого мои слова. Лишь один из спортсменов ответил было (видно, тоже на автомате): «С добрым утром...», но тренер на него свирепо шикнул, и все продолжали стоять без движения, провожая нас взглядом, куда мы не скрылись за углом.

Моряки, встреченные мной в Бриндизи, были заметно смелее. Я, услышав родную речь, дождался, пока один отошел от своих спутников и заговорил с ним. На удивление, он не спешил убежать и с большим интересом продолжил беседу. Скрытые полками от глаз его товарищей, мы говорили минут пятнадцать. Я расспросил его, кто он, откуда; сам в ответ сказал, что учусь в духовной академии. Мой собеседник был ошеломлен: «Как? Ты действительно в Бога веришь?» Я отвечаю: «Ну а как же? Конечно, да. А зачем еще бы я там учился?» Он с сомнением продолжил: «Ну, бабки всякие старенькие верующие — это я понимаю. Но ты-то, молодой, как можешь верить? Я вот не верю ни в какого Бога...» Но вдруг он почувствовал какое-то неудобство и продолжил: «Вообще-то, я не то что совсем неверующий. Я тоже верю во что-то. Например, в настоящую, чистую любовь. Хотя, честно скажу, я ее нигде не встречал». На это не ответить было невозможно. Ответ напрашивался сам собой: «Потому и не встречал, что настоящая, чистая любовь — это Бог, и вне Бога ее нет. Большевики выгнали Бога из вашей жизни, а с ним ушла и настоящая любовь. Поэтому, естественно, что ты не смог ее найти в жизни. А что касается твоего отказа от Бога, так, вообще-то, ты не менее верующий, чем я, только ты веришь, что Бога нет, а я верю, что Бог есть. Разница между нами в том, что моя вера осмысленная, а твоя вера слепая. Большевики тебе сказали, что Бога нет, и ты им поверил. Но они говорят и много чего другого. И что, ты им во всем веришь?» «Нет, — отвечает мой собеседник, — не верю». — «А что же в главном поверил? Или думаешь, если они в мелочах тебя обманывают, то в главном правду скажут? Сомневаюсь...».

Так приблизительно шел наш разговор. Видно было, что парень задумался. Потом его товарищи потянулись к выходу, он сказал, что ему тоже надо уходить, а то кто-нибудь увидит, что мы с ним разговариваем, и донесет, куда надо. «Вот она, ваша чистая любовь в действии», — говорю. Мы попрощались, и он ушел, а я занялся своими покупками. Вдруг вижу: бежит ко мне мой моряк, запыхался весь. Подбежал и выпалил: «Саша, помолись за меня, пожалуйста, чтобы мне жена не изменяла!» — и быстро-быстро назад. Что с ним было дальше, я не знаю.

НЕТОЧНЫЙ ПЕРЕВОД

Впрочем, неожиданные, а может быть, и неизбежные последствия советской власти сказывались и на некоторых афонских насельниках. В Пантелеимоновом монастыре мы познакомились с добродушным гигантом иеромонахом, недавно приехавшим из России, отцом М. Был он совсем простым, некнижным человеком, чем-то напоминая лесковского диакона Ахиллу. Когда мы с ним впервые разговорились, он спрашивает: «А ты хочешь взять несколько старых книжек с собой с Афона подарить кому-нибудь?» «Так это невозможно, — отвечаю. — На выезде — таможня, вывоз предметов старины запрещен». «А я так делаю, — довольным голосом сообщает отец М., — беру две книги, раскрываю их и вставляю одну в сапог спереди, а другую в сапог сзади (! — А. Д.). Потом еще две книги — в другой сапог. Под рясой ничего не видно. Так и еду». «Ну, боюсь, у меня так не получится, — говорю. — У меня сапог нету, а были бы, в них и одна книга не поместилась бы». Он с жалостью посмотрел на мои ноги и отошел.

В другой раз, уходя из монастыря, мы сказали ему, что собираемся взойти на вершину горы. «Эх, как давно я хотел туда попасть, — вздыхает отец М. — Но вот на Афоне уже три года, и то одно, то другое. И все игумен не отпускает...» Мы пожалели его и отправились в путь. Доплыли на катере до монастыря Св. Павла, переночевали там, утром после службы и завтрака добрались до скита Св. Анны и начали восхождение. И вдруг видим, спускается нам навстречу наш отец М. Мы остолбенели: «Как же вы тут оказались?» «А я в самоволку рванул, — отвечает. — Уже сходил наверх, сейчас спускаюсь и побыстрее назад, в монастырь, пока никто не заметил».

На Афон я вернулся через два года, приехав из Италии. Переплыл на пароме через пролив, автостопом проехал через северную Грецию, получил в Салониках »диамонитирион — и вот я уже на Святой Горе. Поднимаюсь с причала в Пантелеимонов монастырь, вижу – отец М. горой высится над группой греческих паломников. За эти два года он ничуть не изменился. Увидел меня, обрадовался: «Иди сюда. Александр, ты же говоришь по-иностранному, а то они о чем-то допытываются, а я никак в толк не возьму, чего им надо». Взялся я переводить. Греки спрашивают: «Есть ли гонения на Церковь в Советском Союзе?» (Напоминаю, что дело было в 1984 году.) И вдруг отец М., к громадному моему удивлению, отвечает: «Нет никаких гонений. Церковь абсолютно свободна. Советское правительство проявляет внимание и заботу о верующих. Открываются новые храмы...» И все в таком же духе. Я опешил. Как афонский монах, отец М. имел греческое гражданство и мог совершенно не бояться говорить правду. Но, видно, эти официальные лживые ответы были намертво вдолблены в него и он просто не мыслил, что иностранцам можно ответить как-нибудь иначе. Но я участвовать в этой лжи не мог и не хотел. Поэтому вместо перевода его ответов, я стал рассказывать этим людям о действительном положении Церкви в СССР. К счастью, отец М. так ни о чем и не догадался, думая, что я перевел его ответы ровно так, как он говорил.

ЭМИГРАНТСКАЯ ГАЗЕТА

А вот еще одна история, которая также характеризует тогдашние реалии советской жизни. В первую мою поездку на Афон в Пантелеимоновом монастыре я много общался с одним из насельников. Мы беседовали на самые разные темы, и, когда я уезжал, он передал мне для Свято-Владимирской академии древние, дореволюционные, очень красивые покровцы и воздух, с которыми там и теперь служат по большим праздникам. Вернувшись на Афон через год, я этого батюшку уже не застал. Оказалось, что он поехал в отпуск в Россию: то ли мать его умирала, то ли еще что-то, но потребовалось его срочное присутствие. Ну, естественно, когда едешь в Россию из-за границы, пусть и с Афона, так или иначе везешь какие-то подарки. Он повез с собой греческий ладан (тогда в нашей стране хорошего ладана было днем с огнем не сыскать, а тот, что употреблялся, звали в шутку «смерть мухам и всем старухам»), другие подарки, в основном церковного характера. Все

было от дельно упаковано, а для завертывания он использовал газетную бумагу. На его беду это оказалась эмигрантская газета «Русская мысль», которую присылали из Парижа в монастырь. Батюшка давно не был в СССР, забыл уже, чем это может ему обернуться. На таможне его схватили, и ему пришлось долго и мучительно оправдываться. Несмотря на то что он был греческим гражданином, как и все афонские монахи, на Афон он больше не вернулся. На родине-то он считался советским подданным, и ему просто не выдали выездную визу. Может быть, так повернулось и к лучшему: теперь он духовник одного из самых известных наших монастырей.

ЮГОСЛАВИЯ И ЮГОСЛАВЫ

Несколько анекдотичных ситуаций сложилось в Югославии, когда мы с Джефффри автостопом проезжали эту страну по пути из Лондона на Афон. Туда наш путь лежал через Бельгию, Голландию, Германию, Австрию и Югославию, а назад — через северную Грецию, Италию и Францию. Честно говоря, подъезжая к югославской границе, я несколько побаивался: все-таки социалистическая страна, хоть и не за железным занавесом. С тех пор я уже много раз бывал в Югославии и очень полюбил эту землю. Но тогда все было впервые.

Вопреки моим треволнениям въехали мы нормально, пограничники отнеслись к нам вполне спокойно. И вот я опять в социалистической стране. Тут и возникла первая анекдотичная ситуация. Переехав через границу, мы сели выпить кофе в каком-то кафе в маленьком словенском городке. Мимо по площади проходила группа рабочих — по-видимому, шахтеров; они были в брезентовых робах и страшно перепачканы, с черными лицами. Джефффри посмотрел на них и говорит: «Смотрика, ЧЕРНОГОРЦЫ!» В самом деле, с точки зрения этимологии все было верно: и гора (шахтеры), и чернота присутствовали.

То была Словения, а потом мы въехали в Хорватию и, наконец, в Сербию. К Сербии я относился очень трепетно: впервые после моего крещения я оказался в православной стране и не мог дожидаться встречи с православными братьями. И вот нас подобрал на дороге водитель, в машине у него даже были какие-то иконки, что меня очень порадовало. Он спросил: «Откуда вы?» Я сказал, что из Америки. Он заинтересовался: «А в Америке какая религия?» Мы говорим: «По большей части там протестанты, но есть и католики, и православных тоже немножко есть». Наш водитель это как-то пропустил мимо ушей. Потом мы проезжали мимо явно православной церкви, я перекрестился, он посмотрел на нас и спрашивает: «Вы что, православные?» Говорю: «Ну да, конечно». И тут он произносит: «А я римо-католик».

Следующий подвозивший нас водитель, узнав, что мы американцы, спросил, много ли в Америке баптистов. Мы сказали, что, конечно, хватает, но что в Америке есть и православные. Он ответил, что православные есть и в Сербии, но ему это не очень нравится, потому что он баптист.

Потом мы шли по дороге вдоль поля, на котором замечательный колоритный старик с длинной седой бородой и в овчине пас овец. Я возрадовался, что наконец-то я вижу православного брата, и закричал ему громко: «Бог в помощь!» Он мне в ответ: «Господь с вами!» Я еще больше возликовал. Старец подошел поближе и вопрошает: «Откуда вы?» Я говорю: «Из Америки». Он поправил в руке палку: «А в Америке адвентистов много?» >1 отвечаю: «Не знаю и знать не хочу. Мы православные». «А я адвентист», — заявил старик. Так, впервые проезжая через Сербию, мы так ни разу и не встретили ни одного реального воцерковленного православного. Правда, ехали мы быстро: за два дня проехали всю Югославию сверху вниз. Первого православного мы встретили уже в Греции.

Знакомство с православной Сербией состоялось у меня пару лет спустя, когда я уже с другим своим другом специально отправился на ее поиски. Та поездка была замечательной — настоящее

паломничество по православным монастырям Сербии, Македонии, Косова, по старым храмам, многие из которых, увы, уже недоступны, особенно что касается Косова. Через полгода, зимой, я организовал двухнедельную насыщенную экскурсию по сербским монастырям для трех своих друзей из Америки. Мы арендовали машину, я заранее составил маршрут, и мы совершили удивительное по красоте зимнее паломничество. Главным неудобством был холод: та зима выдалась нетипично для Балкан студеной и снежной, что еще больше породнило в моем сознании сербские монастыри с русскими.

КАК ДЕЛАЮТ БРЫНЗУ

И чтобы закончить с сербскими историями, расскажу еще одну. Раз ночь застала нас на дороге среди каких-то построек и распаханых полей — там, где и разложить спальный мешок было негде. Ловить машину в темноте не имело никакого смысла, и мы пошли отыскивать себе ночлег. В одном домике горел свет, мы постучались туда и попросились переночевать. Там жила чета пожилых сербских крестьян — старичок со старушкой. Нас они приняли очень радушно, пригласили за стол разделить их скромный ужин: жареный перец, брынза, помидоры, лук, хлеб. Стали расспрашивать, чем мы занимаемся. Я тогда уже учился в докторантуре и представился студентом. Слово это было им незнакомо, они попросили пояснить. «Ну, что-то вроде школьника, — говорю, — учусь разным вещам». Хозяйка наши были поражены. «Как это может быть? Такой взрослый и все еще школьник. Я вот два года в школе учился, — говорит дедушка. — Сколько же учишься ты?». Я стал считать на пальцах: десять лет школа, потом университет, академия, докторантура... «Девятнадцать лет уже», — говорю. «Ну и ну! — разводят руками крестьяне. — какой ученый человек, наверное, все уже постиг, все знать должен. Кушай брынзу, мы сами делали». И тут я совершил роковую ошибку: я спросил, как они делают свою брынзу. Разочарование было полным и необратимым: «Учишься девятнадцать лет и все еще не знаешь, как делают сыр? Чему же ты учишься? И зачем тогда так долго учиться?» Крыть мне было нечем. Со своей точки зрения, они были совершенно правы. Я ощущал себя абсолютным неучем, и, наверное, вполне заслуженно.

АМЕРИКАНЦЫ НА ЛУНЕ

Вообще простой крестьянский здравый смысл в столкновении с нашей благоприобретенной книжной «премудростью», с нашей зависимостью (в том числе и интеллектуальной) от «благ» цивилизации всегда действует отрезвляюще и очень полезно. В связи с этим мне вспоминается история, рассказанная одним православным французом Думаю, стоит ее здесь воспроизвести.

Итак, мой знакомый православный француз — назовем его Пьер — как-то прожил около года в монастыре Св. Екатерины на Синае. Так как он знал несколько языков, ему дали послушание водить экскурсии — ведь монастырь является и важным местом для паломничества, и туристическим «объектом». За несколько месяцев синайской жизни он сумел слегка освоить и арабский — во всяком случае, в достаточной степени, чтобы общаться с местными жителями. Когда пребывание Пьера на Синае уже близилось к концу, его навестил старый приятель Том, православный американец Пьер устроил другу подробнейшую экскурсию по всем достопримечательностям. И вот им повстречалась группа бедуинов, которые уже успели узнать француза и даже немного подружиться с ним. Вежливые восточные люди поинтересовались именем его гостя и страной его происхождения. Услышав, что тот — американец, обычно весьма сдержанные сыны пустыни стали хихикать и подталкивать друг друга локтями: «Спроси у него!» — «Да нет, ты спроси». — «А почему я, лучше ты!» и т. д.

Американец Том поинтересовался, что все это значит, и Пьер стал играть уже привычную для него роль переводчика. «Спроси у него, — потребовали бедуи мы, правда ли, что американцы летали

на Луну?». «Разумеется, правда, — ответил Том, приосанившись, — и, между прочим, не один раз». Реакция — совершенно неожиданный — последовала незамедлительно. Бедуины чуть не свалились на землю от хохота. «Вот видишь, кричали они друг другу, — говорил же я тебе! Американцы, они такие, они всему верят. Что им ни скажи, поверят сразу, даже любой чепухе». Том вначале опешил, а потом обиделся. «Не вижу ничего смешного, — скапал он. И вообще-то, я сам видел по телевизору, как американские астронавты ходили по Луне». Тут бедуины начали хохотать так, что, наверное, было слышно на другом конце пустыни: «Они такие, эти американцы. Они верят всему, что им покажут по телевизору! Какую дрянь не покажи, они ей поверят. Даже и не задумаются на сколько все это невероятно!»

Если подумать, то ведь простодушные кочевники были совершенно правы! С их точки зрения, все понятно: луна маленькая, висит на небе, человек если даже до нее и долетит, то не поместится на ней, да и не сможет стоять вверх ногами. Пусть мы знаем, что это не так. Но ведь мы действительно готовы поверить чему угодно, если нам об этом заявляют авторитетно со страниц газет, журналов, книг или с экрана телевизора. И например, бешеная популярность «новой хронологии» предприимчивого шарлатана Фоменко — тому свидетельство.

Помню, как-то раз в Узбекистане ведущий специалист их Минюста, кандидат юридических наук, молодой и прогрессивный «новый узбек» спросил меня, что я думаю про инопланетян. Я ответил, что в них не верю. «Как же вы не верите, — поразился мой собеседник, — когда не далее чем вчера я сам видел по телевизору американский фильм про них?» Но ведь, если хорошенько подумать, то окажется, что и мы совсем недалеко ушли от этого чрезмерно доверчивого к «голосу цивилизации» человека.

А истиной чаще всего оказывается то, что с точки зрения этой самой современной цивилизации выглядит наиболее абсурдно. Такова, например, монашеская жизнь на Афоне. Да и, наверное, в жизни каждого человека выпадают моменты, когда он ощущает, обретает, видит Истину совсем не в том, что считается «нормальным», «естественным» и «беспорным» в этом мире. Хватает ли у него мужества переменить после этого свою жизнь — это уже другой вопрос.

КРЕСТНЫЙ ХОД

Расскажу об одном таком случае, происшедшем со мной в Палестине.

Начинается эта история с банального расстройства желудка. Даже не банального, а очень сильного. К тому времени я уже больше двух недель ездил по Снятой Земле (дело происходило в том самом 1981 году, когда я совершал свою первую паломническую поездку), и, видно, ближневосточный климат сделал свое дело. Неделю мне было довольно плохо. Ощущение паршивого самочувствия усугублялось терзаниями по поводу бездарно растрчиваемого времени — быть и Иерусалиме и не иметь возможности никуда выбраться из квартиры.

Поэтому, как только мне стало мало-мальски лучше, я сразу продолжил свои экскурсии. Достал каргу, прикинул расстояния, чтобы совершить краткую однодневную поездку, и выбрал Хеврон, где некое время Авраам принимал Бога Троицу и где до сих пор стоит тот самый Мамврийский дуб. Меня предупреждали, что Хеврон — это арабское мусульманское место, и притом не самое безопасное, и уговаривали не рисковать и в одиночку туда не ездить. Но я как будто чувствовал, что эта моя поездка крайне необходима, и все же решил отправиться в путь.

Палестинский июль очень жаркий, и я, грешным делом, всюду ходил в шортах, а в сумке на плече носил подрясник. Подходя к церквям и монастырям, я надевал подрясник и заходил внутрь уже в приличном виде. Так было и на этот раз, когда я приблизился к Хевронскому монастырю. Территория была обнесена оградой. Ворота оказались закрытыми, и я стал звонить. Монастырь этот

тогда принадлежал к Зарубежной Церкви, а я был членом автокефальной Православной Церкви в Америке. Отношения между Церквями были, мягко говоря, неважными, и я не знал, как меня встретят и пустят ли вовнутрь.

Ворота открыл весьма пожилой монах, которого, как я потом узнал, звали отец Георгий. Он и провел меня внутрь, в совершенно пустой храм, где нас встретил очень древний священник — архимандрит Игнатий, которого я до сих пор поминаю в молитвах. Седобородый, согбенный отец Игнатий всегда носил на груди в специальном холщовом мешке старинную тяжелую икону Божией матери. Встретил он меня не слишком дружелюбно и довольно сурово спросил, откуда я. Я сказал, что из Америки, из Свято-Владимирской академии Американской Церкви. Вместо ответа он достал из своего мешка икону и поднял ее передо мной. Я перекрестился и приложился к иконе. Так отец Игнатий убедился, что я православный, что я его не обманываю, и очень обрадовался. Он сказал, что ничего не имеет против Американской Церкви, что неважно, как там исторически сложилось, раз уж русские люди принадлежат к разным юрисдикциям, но сам он не признает никакой вражды между православными. Более того, теперь он видит, что меня им Бог послал в ответ на их сугубую молитву. Дело в том, что в тот день отмечалось воспоминание труса (землетрясения), бывшего в Иерусалиме, по-моему, в 1927 году, и по уставу полагался крестный ход. А в монастыре было всего три монаха, причем третий был тяжело болен и не мог вставать с кровати. Отец Игнатий с отцом Георгием за ним ходили. Нужно учитывать, что тогда отцу Игнатию было около девяноста лет, а отцу Георгию, которого отец Игнатий считал совсем молодым и относился к нему как к мальчику, — под семьдесят. На службу никто не пришел, да и откуда было взяться прихожанам в этом мусульманском городе? Крест на крестном ходе нести было решительно некому. Отец Игнатий сказал, что нужно не уходить из храма и молиться, чтобы Бог послал им такого человека, пока я наконец не появился, кстати, довольно скоро, после того как отошла литургия. «Так вот почему Господь именно сегодня и именно сейчас привел меня сюда», — подумалось мне.

Мы начали было готовиться к крестному ходу, но тут опять раздался звонок в дверь. Отец Георгий пошел открывать и вернулся в сопровождении нескольких человек, представив их паломниками из Югославии. Я обрадовался, что участников нашего крестного хода прибывает, но отец Игнатий не был так скор: он вновь извлек из мешка свою икону и встал перед ними. Югославы (а я так и не узнал, из какой части Югославии они были) несколько замялись и сообщили, что они адвентисты. Отец Игнатий мгновенно, как меч в ножны, задвинул свою икону в чехол и исчез в алтаре. Адвентисты, смущенно улыбаясь, стали говорить, что Бог, мол, один для всех и пр. Я, не зная, как поддержать разговор и что сказать, топтался на месте. Отец Георгий тоже молчал. Вдруг царские врата распахнулись, и появился отец Игнатий, уже в епитрахили и фелони. Икона по-прежнему висела на груди под облачением. В одной руке священник держал чашу со святой водой, в другой — кропило с крестом. Он стал крестообразно брызгать на адвентистов, громко возглашая: «Покайтесь, еретики, покайтесь, покуда не поздно!» Югославов как ветром сдуло. Отец Георгий запер за ними дверь. Ох, и досталось ему от отца Игнатия! «Что же это ты, Георгий, пускаешь в храм Божий кого ни попадя!» Отец Георгий оправдывался: «Ну как же, они же сказали, что из Югославии, я подумал, православные...» — «Так нужно было сказать, чтобы перекрестились! И посмотреть, православные они или нет, а то какого тут только не бывает народу!».

И вот наконец мы пошли крестным ходом вокруг храма. Пожалуй, для меня это было самым сильным религиозным впечатлением, пережитым на Святой Земле. Честно говоря, более абсурдную ситуацию трудно себе представить. В знойный палестинский полдень вокруг храма шагают три странно одетых человека. С одной стороны, согнувшись, бредет девяностолетний отец Игнатий со своей иконой на шее, в руках несет Евангелие и большую выносную свечу на тяжелом медном стояке; с другой стороны поспешает семидесятилетний отец Георгий, нагруженный кадилом и чашей святой воды с кропилом; он ухитряется подкладывать ладан в кадило и поддерживать согбенного

отца Игнатия, которого качает от слабости. Впереди шествую я с огромным крестом на длинном шесте. Несмотря на жару, дует довольно сильный ветер, полы подрясника развеваются, я вынужден, балансируя тяжелым крестом в одной руке, другой постоянно подхватывать подрясник, чтобы не было видно голых ног, потому что под подрясником у меня шорты и вид может сделаться совсем уж неприличным. По всему периметру вокруг забора стоят арабские дети и заливаются веселым смехом, показывая пальцами на эту картину. Действительно, если посмотреть на нас со стороны, зрелище куда как уморительное! Да еще на каждом углу мы останавливаемся, читаем Евангелие, вспоминаем какое-то землетрясение, которое неизвестно когда было и непонятно какое отношение имеет к нам, сегодняшним. Но большего духовного подъема мне почти никогда не доводилось испытывать. Тогда на собственном опыте я пережил слова апостола о том, что наша вера «для иудеев соблазн, а для эллинов безумие», и то, что «безумное мира избрал Господь, чтобы посрамить разумных и мудрых». Я радовался этим насмешкам и чувствовал, что с крестом Христовым с этой процессией готов идти до конца, даже на мучения или смерть.

Потом мы вернулись в храм, разоблачились и прошли в маленькую монастырскую трапезную, где мне выпала честь испытать все гостеприимство такого замечательного отца Игнатия. Он с радостью принялся меня кормить: достал с подоконника кастрюлю с густым овощным супом на основе кислой капусты и стал ее разогревать. «Супчик свежий, вчера варили», — обрадовал он меня. Вчера варили?! А потом всю ночь и еще полдня он простоял на подоконнике? В палестинской жаре? Мне показалось, что он уже начал пузыриться. А ведь я только начал выздоравливать от тяжелой желудочно-кишечной инфекции и питался только сухариками!

Отец Игнатий поставил на стол тарелку с дымящимся варевом, в которое он щедро налил оливкового масла чуть ли не на палец, и придвинул ее ко мне. Что мне оставалось делать? Я перекрестился и приступил к еде с одной надеждой, что успею доехать до места своего обитания, прежде чем меня скрутит вновь. Как можно догадаться, разумеется, ничего подобного не случилось и живот мой до конца пребывания в Святой Земле более меня не беспокоил.

Отец Игнатий категорически отказался отпустить меня добираться домой своим ходом. «У нас тут очень опасно, и в одиночку христиане тут не ходят», сказал он, заказал мне такси и оплатил его.

Он действительно был святым человеком, несмотря на внешнюю резкость, исполненным горячей, деятельной любви. В его поведении были элементы юродства во Христе — он в простоте ходил пред Господом. Теперь уже ни его, ни отца Георгия нет па этой земле. Времени с тех пор прошло достаточно более двадцати лет, но я не перестаю вспоминать их обоих и тот подвиг свидетельства о Христе, который они несли на своем месте в весьма нелегких обстоятельствах.

ОТЪЕЗД С АФОНА

Помню, как мы с Джеффри уезжали с Афона после месячного пребывания. Удивительно, но на Святой Горе совершенно не замечаешь отсутствия женщин. То, что их там нет, воспринимаешь совершенно естественно и о них даже не вспоминаешь. Мы ехали на катере, загруженном греческими паломниками, в основном крестьянами, простыми людьми, шумно общавшимися друг с другом и обменивавшимися новостями. Мы тихо сидели на носу у правого бортика, провожали взглядом афонские берега и вполголоса пели Акафист Божией Матери. И вдруг с нами с левой стороны поравнялся туристский катер: громкая музыка, крики и полно женщин в пляжных нарядах. Наши греческие мужички как-то вдруг засуетились, ринулись к левому борту и давай кричать что-то вроде: «Бабоньки, родные! Как мы по вам стосковались! Как же тяжело было без вас! Как бы нам к вам перебраться!..» и т. д Женщины отвечали такими же восклицаниями и довольным визгом

Ощущение было, как будто нас неожиданно ударили под дых и выбили весь воздух из наших легких. Оставалось только по-рыбьи бессильно разевать рот и шлепать губами. Настоящий культурный шок! Как же тяжело было это возвращение к «нормальной» жизни после светлой радости Афона! В такие минуты недоумеваешь, как мир может не осознавать столь очевидных вещей. Но, увы, и сам очень быстро привыкаешь к окружающему и уже вспоминаешь об Афоне как о чем-то далеком и выпадающем за рамки привычного...

НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

Возможно, после моих рассказов об Афоне создается впечатление, что это довольно удаленное от реальной жизни место. Это не так. Афонская жизнь, на мой взгляд, самая реальная жизнь из тех, что существуют на земле. Скорее даже это мы все живем какой-то полуреальной жизнью, в постоянном беге, в постоянной занятости, стрессах, попытках удовлетворить потребности, строить планы, реализовать мечтания, которые почему-то не реализовываются... На Афоне живут, выражаясь современным жаргонным языком, очень «конкретной» жизнью. Очень земной, наполненной жизнью. И занимаются афонские монахи самым главным на земле делом — молитвой обо всех и за всех. Кто знает, не было бы Афона и афонской молитвы, продолжался ли бы еще наш мир?..